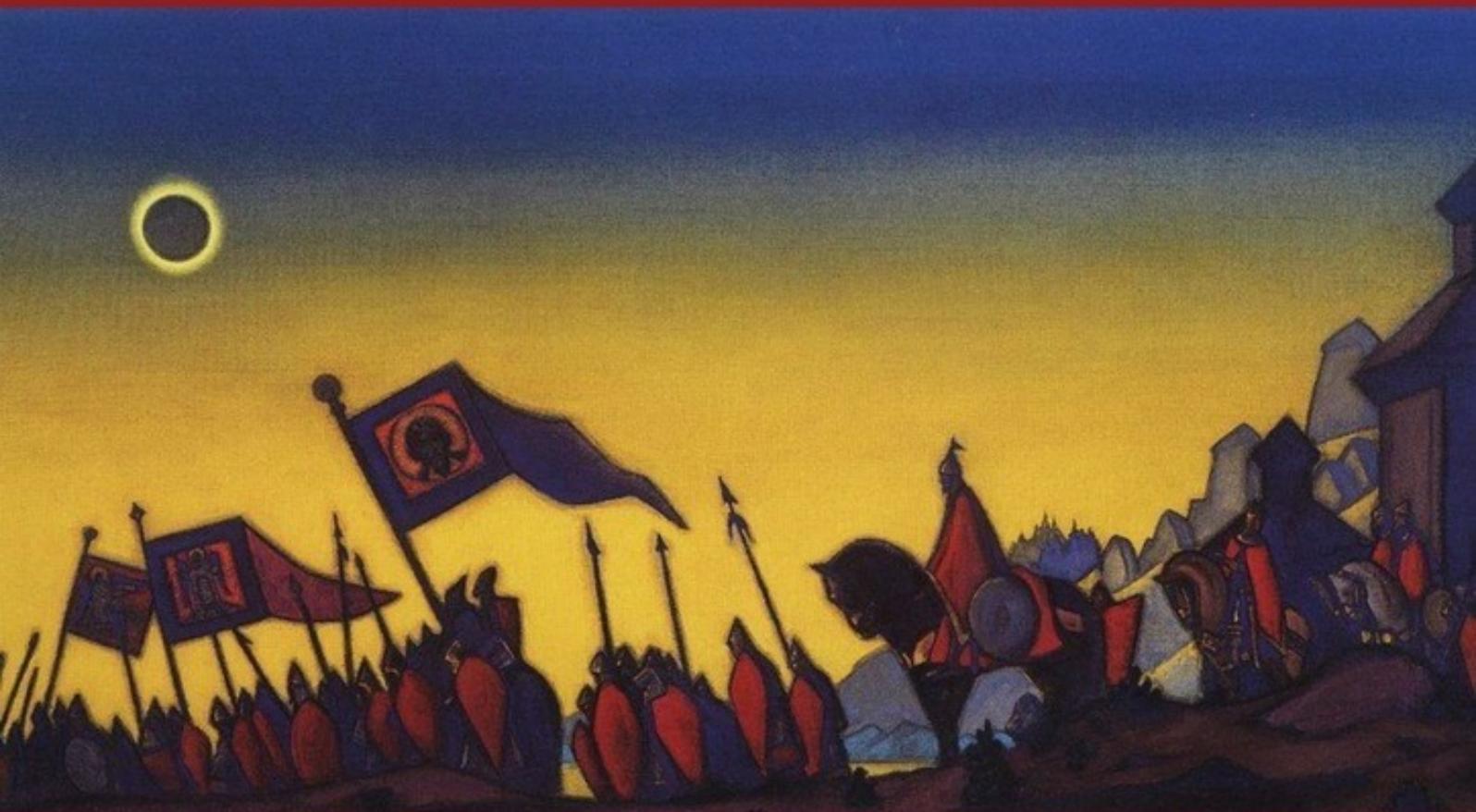

Фридрих Антонов

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Переводы, статьи, пояснения

Фридрих Антонов

**Слово о полку Игореве.
Переводы, статьи, пояснения**

«Издательские решения»

Антонов Ф.

Слово о полку Игореве. Переводы, статьи, пояснения /
Ф. Антонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854452-1

В этой книге приведены два перевода Слова о полку Игореве, а также пояснения и комментарии к древнему тексту. Переводы: свободный поэтический и близкий к первооснове (строго научный). Здесь также приведено более 85 принципиально новых пояснений и комментариев к древнему тексту. Впервые введено понятие Великой Трояновой (Русской) земли. В этой книге также назван истинный Автор Слова о полку Игореве, представитель дома тысяцкого Рагуила — Овлур.

ISBN 978-5-44-854452-1

© Антонов Ф.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Ко второму изданию	8
Вводная статья к первому изданию	9
Слово о полку Игореве	18
Слово о полку Игореве	47
Слово о полку Игореве (Древний текст)	63
Пояснения и комментарии	78
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Слово о полку Игореве

Переводы, статьи, пояснения

Фридрих Антонов

© Фридрих Антонов, 2018

ISBN 978-5-4485-4452-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В этой книге приведены: древний текст издания 1800 года, пояснения и комментарии к нему, а также два перевода на современный русский язык, один из них строго научный, а другой свободный поэтический. Проведена большая работа по возможному восстановлению южно-русского диалекта древнерусского языка, на котором было написано «Слово о полку Игореве».

Приведено более 85 принципиально новых пояснений к древнему тексту. Эти пояснения совершенно по новому воспроизводят смысл слов и отдельных частей «Слова о полку Игореве». Пояснений значительно больше, но в эти 85 входят лишь крупные пояснения, которые практически полностью меняют смысл переводимых слов древнего текста и содержание его целых отрывков.

В этой работе впервые введено понятие Великой Трояновой (Русской) земли. Эта земля в разные времена простиралась от Атлантики и до Алтая и от Скандинавии до Североафриканского побережья Средиземного моря. Понятие «Русская земля» не нужно воспринимать за некое единое государство. Такого государства никогда не было. Это была именно «Земля», по которой в течении нескольких тысячелетий перемещались племена русов, которых можно и нужно считать праматеринской основой народов Европы.

Разумеется, что изменения в течении тысячелетий, даже в пределах одного языка, становятся настолько явными, что язык предков требует специального перевода потомкам, для того чтобы стать хоть как-то понятным. Дайте сейчас любому славянину древнерусский текст и он в нём, ровным счётом, ничего не поймёт. Дайте любому германцу их древнегерманский текст и он тоже в нём ничего не поймёт. Но генетически это одни и те же народы.

А если провести ещё большее обобщение, то и славяне, и немцы, и англичане, и французы, и латиноязычные итальянцы, и испанцы – это народы, которые (несмотря на разные языки) имеют общие генетические корни. И Троянова (Русская) земля – от Атлантики и до Алтая, и от Скандинавии до берегов Северной Африки, это земля, по которой перемещались племена русов в течении многих тысячелетий.

В этой книге впервые рассмотрены дружеские, а не традиционно враждебные, отношения между князем Игорем и ханом Кончаком. А также отношения между ханами Кончаком и Гзаком. Рассматривается ответный набег половцев на русские земли разрозненными силами, как результат несогласия между этими ханами. И ряд других вопросов.

Здесь же, в этой книге, высказан совершенно новый взгляд на авторство «Слова о полку Игореве». Автором «Слова» здесь назван Овлур (Лавр). Ярким примером традиционного взгляда на Овлура (до сих пор), является его роль в опере А. Бородин «Князь Игорь», где он в образе оборванца с кнутом, на полусогнутых ногах, бегал по сцене. Роль типичного раба. В этой книге впервые высказано мнение о том, что это грамотный, образованный человек, представитель аристократического рода Рагуилов.

В примечаниях к первому изданию «Слова о полку Игореве» в 1800 году, об Овлуре было сказано, что он – чиновник. Разумеется, это было сказано в рамках таблицы о рангах того времени. Но всё-таки – чиновник, а не слуга и не лакей! Слуге грамотность – без надобности. А вот чиновник безграмотным быть не может, ибо он становится никому не нужным как таковой. Так что все попытки представить Овлура безграмотным слугой несостоятельны по сути. А как грамотный человек, он вполне может быть Автором «Слова о полку Игореве». Рассуждения и доказательства по этому поводу смотрите в данной книге.

В качестве иллюстраций к данной книге выбрано несколько репродукций общеизвестных картин Николая Рериха и графических рисунков Н. Н. Румянцева.

Ф. Антонов

Ко второму изданию

Эта книга является естественным продолжением ранее изданной (в 2011 году) книги «Слово о полку Игореве». Древний текст. Поэтические переводы и комментарии». Она во многом доработана, сокращена и усовершенствована. В ней произведено разделение переводов на русский и украинский языки, и сокращены, как вступительная, так и пояснительная части. В этой книге приведены только два перевода «Слова о полку Игореве» на русский язык. Один из них близкий к первооснове (научный), а другой свободный (поэтический). За первооснову взят древний текст 1800 года издания. Оба перевода выполнены на основе тщательного изучения стародавнего текста. При подготовке этой рукописи к изданию отпала необходимость в отдельном разделе Дополнений и поэтому он ликвидирован. Все необходимые данные, что ранее были в разделе Дополнений, здесь включены в состав статей раздела Пояснений и комментариев.

К этому изданию были специально написаны еще две пояснительных статьи: «Отношение Автора Слова о полку Игореве к вещему Бояну» и «Язык Слова о полку Игореве и его южно-русские корни». Эти статьи приводятся в самом конце книги. Они необходимы для более углубленного пояснения очень многих и важных вопросов, которые были разработаны в данной работе. Правда все эти вопросы еще и ранее были размещены в статьях Пояснений и комментариев (еще при первом издании), но там (да и в этой книге тоже) они разбросаны практически по всем статьям Пояснений и не составляют единого целого. Неподготовленному читателю трудно охватить все это единым взглядом и воспринять именно как единое целое. А в этих, выше названных статьях, всё собрано воедино (во-всяком случае многое и очень важное) и позволяет намного лучше ориентироваться в некоторых вопросах древнего текста, а в ряде случаев и по-новому понимать смысл некоторых его частей.

«Слово о полку Игореве» когда-то исполнялось в сопровождении музыкальных инструментов. «Слово» не декламировалось, а пелось! (Это же песня!) Поэтому в данном переводе близком к оригиналу, допускалось некоторое смягчение научного текста мягкими поэтическими средствами, но делалось это все с таким расчетом, чтобы смысл никоим образом не искажался.

Что же это за смягчение поэтическими средствами? Во-первых, искажение смысла текста ни коим образом не допускалось. Кое-где выбрасывались слова-паразиты типа: «уж», «ведь» и ряд других. Где-то незначительно изменялся порядок слов – чтобы смысл и содержание, при этом не менялось, а текст становился бы более музыкальным. Где-то слова, традиционно встречавшиеся в переводах других авторов, заменялись словами-синонимами, более подходящими по музыкальному звучанию. Вот и все «поэтизирование». Это строго научный перевод!

Ранее ведь тоже все, кто занимался «Словом о полку Игореве», делали нечто подобное, только называли все это «созданием ритмического текста». А здесь все это достигается несколько иными средствами. Автор этих строк вообще против искусственно втискиваемых рифм туда, где они вовсе не нужны, где нужна песенность, а не ритмичность.

Подробнее со всем этим читатель сможет познакомиться во Вводной статье к первому изданию, а также при чтении, как самих переводов, так и пояснений к ним.

Ф. Антонов

Вводная статья к первому изданию

На современный русский язык сделано два перевода. Один из них выполнен близким к первооснове, а второй – свободный. За первооснову взят текст первого издания 1800 года. При работе над переводами приходилось обращаться и к другим работам, пользоваться публикациями В. П. Адриановой-Перетц [1], Д.С.Лихачева [7, 8, 9], Л. А. Дмитриева [4, 5], А.Б.Рыбакова [15, 16], А.Н.Робинсона [13, 14], Н.А.Баскакова [2], Л.Е.Махновца [10], А.Л.Никитина [11], С.А.Плетневой [12] и многих других.

Автором этих строк выполнено также и самостоятельное исследование. При изучении древнего текста было обращено особое внимание на большое количество южно-русских (близких украинскому языку) вкраплений в текст «Слова о полку Игореве». По этим вкраплениям, что как мозаика разбросаны по всему тексту 1800 года, устанавливался подлинный смысл того или иного слова (или отрывка), а уже по этому смыслу подбирался русскоязычный эквивалент. Такой подход позволил сделать более 85 новых пояснений к древнему тексту. Кратко об этом читайте ниже по тексту, а более подробно в статьях раздела Пояснений и комментариев.

Очарование «Слова о полку Игореве» (и с этим согласны все, кто когда-либо занимался его переводами) в значительной степени определяется его песенностью. Но что такое песенность, если это не праздный вопрос, а необходимость определиться с творческим методом при выполнении перевода? Как следовать за этой песенностью, чтобы твой перевод хоть как-то был похож на оригинал? Автор этих строк пришел к выводу, что в «Слове о полку Игореве» существует особенный вид рифм, которые можно было бы назвать «слоговыми».

Это когда рифмовка идет не через строку и не по строкам, а по слогам внутри слов. Такую рифмовку невозможно вести по законам современного стихосложения, она может появиться только при сложении песни. Потому что само «Слово», в свое время, тоже было написано по законам «песнесложения», а не стихосложения. В отличие от рифм в современном понимании, слоговых (или послоговых) рифм в «Слове о полку Игореве» бесчисленное множество. И та песенность, которой все так восхищаются, определяется именно ими, когда каждое слово, из слога в слог, перетекает как музыка. Песенность идет из глубины самого текста. Такой текст не нужно рифмовать. Он и без рифм хорошо звучит. Несколько примеров. Запишем начало «Слова» пословым стихом:

Не-
ле-
по ли
ны бя-ше-ть,
бра-
ти-и-е,
на-
ча-
ти ста-
рыми сло-ве-сы
трудныхъ по-
ве-е-стей
о полку И-
гореве?
Иго-ря Свя-то-сла-
вли-и-ча!

Еще один отрывок:

Тру-бы
 тру-бять
 в Нове-
 граде,
 сто-ять
 стя-зи
 во Пу-
 тивле.

Эти два отрывка приведены, как пример. Они не подбирались специально. Если дать полный и развернутый показ всего этого, то нужно переписать здесь всё «Слово о полку Игореве». Разнообразие рифм «Слова о полку Игореве» этим не исчерпывается. Встречаются рифмы (причем в большом многообразии), которые трудно классифицировать, ибо они представляют собой смесь междустрочных рифм с рифмами между словами и со слоговыми рифмами. Причем комбинации их могут быть самыми разнообразными:

Кликну́, стукну́ земля,
 въ шуме травá.
 Вежи сѧ половѣцкии —
 подвиза́-
 ша-сѧ.

Современных рифм в «Слове о полку Игореве» действительно мало и они никогда не играли существенной роли в этом произведении. Поэтому, выполняя научный перевод бессмысленно его рифмовать или подрифмовать, уродуя и перекручивая текст в угоду рифмам. Лучше попытаться сложить песенный текст аналогично тому, как это сделано в оригинале. Следует сразу же оговориться, что повторить песенный текст оригинала в переводе нельзя. Дословный перевод принципиально невозможен. Создать можно лишь нечто подобное. И поэтому переводы названы – «близкими к оригиналу», а не дословными. Базируются они на строго научном материале. Но там, где вставал выбор: оставить корявый дословный (строго научный) перевод или как-то сгладить его поэтическими средствами (если смысловые утраты были небольшими), то выбор делался в пользу поэтичности (естественно в разумных пределах).

Первым был выполнен строго научный, прозаический перевод на русский язык. Но он не удовлетворил автора этих строк. Кроме этого, более углубленное изучение фактического материала привело к осознанию того факта, что «Слово о полку Игореве» написано языком близким к древней южно-русской традиции, которая чем-то близка современному украинскому языку. Язык «Слова о полку Игореве» – это язык Киевской Руси XII века. И дело вовсе не в том – было в то время такое название (Украина) или нет.

Народ и его язык в то время уже существовали и от этого факта никуда не уйдешь. И само понятие «украина» в то время уже существовало, правда относилось оно не к названию государства, а было синонимом слова «удел» (княжество). И что самое интересное, жители этих самых удельных княжеств – украин, называли себя руссами. И государство называлось естественно – Русская Земля. А названия «Киевская Русь» просто не существовало. Киевская Русь это литературное название, которое появилось значительно позднее, в трудах историков и писателей. В действительности это название не имело никакого отношения к реально существовавшему государству.

После перевода на русский язык, был выполнен строго научный перевод на украинский язык. Подход к «Слову о полку Игореве» с такой позиции позволил пересмотреть некоторые «темные» места и по-новому их комментировать. Некоторые места «Слова о полку Игореве», что считались ранее полностью ясными и понятными, получили совершенно иное толкование. Поэтому, после выполнения этого перевода, пришлось заново пересмотреть и перевод на русский язык. В первом издании книги, все переводы на русский и украинский языки были помещены – в одну книгу. Это несколько усложнило структуру книги. Поэтому во втором издании, переводы на русский и украинский языки, и все комментарии к ним, (доработанные и дополненные) публикуются отдельно.

Такой подход к «Слову о полку Игореве» со временем может дать хорошие результаты. Однако, это очень сложная работа потому, что сегодня мы имеем дело с русифицированным вариантом текста (в том числе и издание 1800 года). Исторически сложилось так, что первое редактирование и издание были выполнены российскими учеными. Древний текст в оригинале был записан сплошную – без точек и запятых. Его нужно было разделить на слова и предложения и сделать удобочитаемым для людей XVIII века. Между написанием XII и XVIII веков обнаружилась существенная разница. В некоторых словах потребовалось дописать окончания. Об этом читайте в статье «Язык Слова о полку Игореве и его южно-русские корни».

Некоторые слова (согласно правил грамматики русского языка XVIII столетия) были записаны с «ь» (ерь) там, где в древнем тексте его не было. Текст был разделен на слова и предложения, в нём были расставлены знаки препинания. И всё это было сделано, естественно, согласно правил грамматики русского языка XVIII века. Помимо воли всех тех, кто занимался тем переводом, переводимый текст русифицировался. Обо всем об этом читайте в статьях Пояснений и комментариев, а особенно в дополнительной статье (в конце книги) специально для этого издания: «Язык Слова о полку Игореве и его южно-русские корни».

Позднее оригинал сгорел в пожаре 1812 года и сегодня мы имеем дело с русифицированным текстом, сквозь который просматривается украиноязычная песня. При внимательном чтении, сквозь текст 1800 года то там, то здесь, проглядывают слова, обороты речи, пояснить которые можно только используя украинский язык. Небольшой пример того, как подход с позиции южно-русского (украинского) языка мог бы повлиять на содержание «Слова о полку Игореве». Возьмем такой отрывок:

«Уже бо, братие, невеселая година вьстала,
уже пустыни силу прикрыла.
Вьстала обида вь силахъ Дажьбожа внука,
вступила девою на землю Трояню,
всплескала лебедиными крылы
на синемь море у Дону,
плещучи, упуди жирня времена.»

Общеизвестный перевод звучит так:

«Уже, братья, невеселая година настала,
уже пустыня силу прикрыла.
Встала обида в силах Дажьбожа внука,
вступила девою на землю Трояню,
всплескала лебедиными крылами
(почему-то не в Русской земле,
если уж «силы Дажьбожа внука» – это Русь)
а на синем море у Дона, (то есть в Половецкой степи)

плеская, прогнала времена обилия.»

Слово «прикрыла» в оригинале могло быть – «прикры». Окончание «ла», скорее всего, дописано при первом редактировании. Вспомним, что редактор и переводчик были русскоязычными людьми и скорее всего не знали, ни южно-русского, ни украинского языков. Украинец, увидев слово «прикры», сразу же вспомнил бы слово «прикро» – «обидно». Тем более, что именно об обиде идет речь в этом отрывке. А если в тексте должно было стоять «прикро» (кстати о написании и произношении буквы «ы» читайте в статье «Язык Слова о полку Игореве и его южно-русские корни»), тогда разделение на слова и поэтические строки могло быть совершенно иным:

«Уже, братья, невеселая година настала,
уже пустыни силе обидно стало.

(То есть обидно стало силам степи – половцам
за коварный набег и разбой учиненный русичами,
а вовсе не русичам, как это утверждается до сих пор.)

Обида в силах Дажьбожьих внуков,
вступила девою на землю Трояню,

(Она в силах Дажьбожьих внуков пришла на Дон,
то есть с полками Игоря, а не с Дона на Русь,
как это утверждалось ранее). Поэтому она и...

Заплескала лебедиными крыльями
на синем море у Дона,
и плещучи, уменьшила счастливые времена.»

Это лишь пример всего того, как могло быть выполнено редактирование текста, если бы редактор знал южно-русский (или хотя бы украинский) языки. Перевод последней строки приведенного отрывка «плещучи убуди...» выполнен также иначе, чем это делают обычно. Во всех изданиях пишут «упуди», а здесь, как и в издании 1800 года, – «убуди», только с другим ударением (убуди, а не убуди). Более подробно об этом в соответствующей статье Пояснений и комментариев. А что до Трояновой земли, которая при таком раскладе простирается на Донские земли, так это не тайна – Русская земля тянулась аж до Тмуторокани. Автор «Слова» помнил про это. Дон и Приазовье – это Синяя Русь. Были еще Черная Русь, Красная Русь и Белая Русь, которая существует и ныне. Синий Дон в «Слове о полку Игореве» потому, наверное, и «синий», что это Синяя Русь.

Еще один пример использования украинского языка для пояснения текста «Слова о полку Игореве». Возьмем такой отрывок:

«Свист зверинь вьста зби»

В научной литературе долгое время велись поиски зверя, который может свистеть. Потом решили, что это байбак. Однако текст от этого яснее не стал. А если бы переводчик знал украинский язык, то для него не было бы тайной, что выражение «свист зверин» означает, всего лишь, «громкий» или «пугающий» свист. И никакого зверя или иного какого-то существа при этом не подразумевается. Так что, все поиски байбака совершенно напрасны. Это выражение

и пояснение его смысла автор этого перевода впервые услышал в селе Пархоменко (Макаров Яр), Луганской области, от местных жителей.

Слова «вста» и «зби» в украинском и польском языках имеют довольно близкие аналоги. Слово «вста» означает «встал», т.е. взлетел вверх. (Применительно к свисту – «прозвучал»). Слово «зби» означает «сбился, оборвался» (о звуке – смолк). Глаголы «вста» и «зби», по чисто украинской языковой традиции, по сей день в разговорной речи произносятся без окончаний (например, «бува» вместо «буває», «відпочива» вместо «відпочиває» и т.д.). И это с древнейших времен. Подробнее об этом читайте в специальной статье ко второму изданию (в конце книги): «Язык Слова о полку Игореве и его южно-русские корни». Таким образом, перевод может звучать так:

«Громкий свист резанул и смолк»

Было приведено несколько примеров использования украинского языка, для осознания южно-русских значений этих слов, при выполнении перевода «Слова о полку Игореве». Таких мест, где южнорусский (украинский) язык даёт более ясное толкование, довольно много. Большим подспорьем, при выяснении смысла многих слов текста 1800 года, явилась книга – сборник украинских народных песен, собранных в XIX веке Иваном Вагилевичем (1811—1866 г.г.). В этой книге отобразён глубинный пласт древнерусской культуры. Всё, что удалось сделать в этой работе (более восьмидесяти пяти пояснений), приведено в Пояснениях и комментариях. И это только крупные пояснения, при которых смысл слов и целых отрывков менялся радикально. А всего пояснений и замечаний гораздо больше.

Несколько слов по поводу отношений между главными героями «Слова о полку Игореве». В «Слове» была зафиксирована официальная точка зрения. Хан Кончак в «Слове» преподносится как главный враг и противник князя Игоря. Это вполне понятно потому, что это была официальная версия и другой просто не могло быть. В действительности же отношения князя Игоря и хана Кончака были совершенно иными, от явной враждебности до дружбы, сотрудничества и даже родства. Всё это изложено в переводах, в комментариях к древнему тексту, и особенно в специальной статье: «Реальные отношения между главными героями Слова о полку Игореве. И кто Автор этого Слова?»

Всем, кто интересуется «Словом о полку Игореве» настоятельно рекомендуется внимательно прочесть Пояснения и комментарии. В них любознательный читатель может найти много нового, интересного и очень полезного. Чтобы заинтересовать любознательного читателя, приведем несколько толкований отдельных слов, некоторых выражений и темных мест «Слова о полку Игореве» прямо здесь, во вступительной статье. Сжато, фрагментарно, но тем не менее интересно и достаточно информативно.

Боречь – это воины. Обычно пишут «бо речь» и переводят: «Потому что говорил». Но в этом переводе «боречь» – это «воины» (Боричев взвоз в Киеве существует поныне).

Земля Трояня — это земля населенная руссами, тирренами, троянами, этруссками, ариями. Эта земля (по мнению А.Ф.) существовала до Древней Трои и никуда не делась после её разрушения. И вообще, Древняя Троя – это всего лишь крошечная частичка Великой Трояновой земли (термин введен А.Ф.). Эта земля зародилась в глубокой древности и дожила до времен Киевской Руси. Читайте Пояснения и комментарии.

Тропа Трояня – это путь к ближайшей предшественнице Киевской Руси, а вовсе не к Древней Трое. Это путь в свою старину. Читайте Пояснения и комментарии.

Трубы трубятъ въ Новеграде... — Это начало изложения событий «...по былинам сего времени...», а вовсе не продолжение слов «...кони ржут за Сулою...», вложенных в уста вешего Бояна, как это считается до сих пор, (как бы сказал он, если бы слагал именно он). А здесь – «Трубы трубят... и Игорь ждёт...». Читайте Пояснения.

Игорь ждетъ мила брата Всеволода – эти слова не имеют ничего общего с остановкой князя Игоря за Донцом, на пути в Половецкую степь (как это обычно считают). Это событие произошло ещё на стадии подготовки к походу. В связи с этим иначе выстраивается порядок начальных частей «Слова о полку Игореве». Читайте соответствующую статью Пояснений и комментариев.

Свистъ зверинъ – это просто громкий пугающий свист. Никакого свистящего зверя, как это предлагается буквально во всех других переводах, здесь нет. Это характерный южно-русский (а ныне украиноязычный) оборот.

Гзакъ бежитъ серымъ вълкомъ, Кончакъ ему следъ править къ Дону великому. – Здесь хан Кончак не управляет перемещением хана Гзы (как это принято считать до сих пор). На украинском языке, он просто «вслед за ним едет к Дону великому». Гзак побежал первым, а Кончак вслед за ним. Вот и всё.

Карна и Жля – обычно их считают богинями покаяния и жалости (тогда одна должна была быть на стороне половцев, а другая на стороне русских). Но они не могут быть таковыми по своей сути. Они вообще не могут действовать по разные стороны воюющих сил. Только на стороне половцев и только против русских (они в них огонь метали, а не сочувствовали). И вообще, никаких богинь здесь скорее всего нет. Это «карнаи» – сигнальные трубы и «жель» – огонь. О чем собственно и идет здесь речь. Смотри Пояснения и комментарии.

Тлъковины – это не толмачи и не переводчики (как это обычно считают). Это скотоводы пастухи. Кстати, в «Повести временных лет», откуда это собственно взято, говорится о том, что тиверцы, как раз скотоводы, а не толмачи. Просто в этом месте «Повесть временных лет» тоже неверно истолкована, а отсюда и пошла вся эта путаница. Смотри Пояснения и комментарии.

Бусый – Это не «серый», как это обычно переводится, а «буйный». Смотри Пояснения.

Дивь – Это не див. Див – это мужское существо. А «Дивь» – это диво! Только диво – среднего рода, а это «дивь» – женского.

Были – это не бояры и не наименование одного из осевших кочевых племен (когда этих былей просто включают в общий их перечень). Это «былинные» воины, сильные славою своих предков, о которых можно слагать легенды. И далее следует их перечень: могуты, татраны и так далее. Это древние русы, от которых собственно и пошла древняя Русь. Читайте Пояснения.

Могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги, ольберы – это не «замиренные поганые» и не тюркские кочевые племена на службе у русских князей. Это остатки населения «Великой Швеции» и бывших «кур Тмуторокани». Это те самые русы, от которых и пошло название Русской земли (и название – Русь). А кур Тмуторокани, кстати, нужно искать не в Тмуторокани, а на побережье Балтики (например – в Курляндии, а еще в земле куршей). Смотри Пояснения и комментарии.

Соколь въ мытехъ – это не в состоянии смены пера (как это обычно трактуется), а в состоянии могущества и силы. Смотри Пояснения и комментарии.

Меча времени чрезъ облаки – именно «времены», как и в издании 1800 года, а вовсе не «бремены», как это обычно пишут сейчас. Смотри Пояснения и комментарии.

Доспели – это созрели (или дозрели), а не «успели», как это обычно пишут во всех других работах. Смотри Пояснения.

Притрепа славу деду своему Всеславу «Приласкал» славу деду своему Всеславу. «Приласкал», а не «убил» и не «погубил». Смотри Пояснения и комментарии.

«...а самъ подъ чрълеными щиты на кроваве траве притрепанъ литовскыми мечи» – здесь «притрепан» (иносказательно) – обласкан. Это означает, что он был ранен и умер от ран, а вовсе не убит. (Смысл иной!).

Мечи верезены – Это не «пощербленные» (и не испорченные) мечи (как это обычно считается). Это мечи «повергающие» или смертоносные (поднятые на убийство). Пощербленных мечей в древние времена не вкладывали даже в руки врагов (их могли наделить уродливой

внешностью, но пощерблённым оружием никогда). «Вережены» это украиноязычное слово. Сммотри Пояснения и комментарии.

Стрикусы Это не «с три кусы». Это трансформированное «стеркусы» – стерхи (журавли) – стенобитные орудия. Их можно видеть на барельефах древнеперсидских городов, ими пользуются и сегодня для доставания воды из колодцев. Их и сегодня используют при разрушении старых стен при реконструкции городов. Просто вместо древней повозки – кран-экскаватор и «стальная баба» на тросе, подвешенная к стреле крана. Это и есть стрикус.

Копья поют Это поют копыеносцы (пехота), а не копья. А ещё спорили: «Была у Игоря пехота или нет?» Была! Копья – это и есть пехота – копыеносцы! Сммотри Пояснения и комментарии.

Идутъ сморци мъглами Это волны в тумане, а не смерчи тучами (и не смерчи в тумане и вообще не смерчи). Сммотрите Пояснения и комментарии.

Луг Донца Это Луганье, Полуганье, место, где протекает река Лугань (п. Донца). Побег в Русскую землю был совершен не на запад, как это обычно считают, а на восток – на Полуганье (а оттуда – в Русскую землю).

Несколько слов о переводе начальной части «Слова о полку Игореве». До настоящего времени начало «Слова о полку Игореве» остается не совсем ясным местом. Переводится оно большинством исследователей так: «Не краше ли былину, братья,...». «Не пристало ли нам, братья,...». «Не гоже ли нам, братья,...». То есть, практически все множество переводов, если выразить это в обобщенно-смысловом виде, передает нам такой смысл: «Не лучше ли нам, братья, начать старыми словами песню о походе Игоревом». Иными словами – как хорошо, как здорово будет, братья, если начнем именно «старыми словесы» песню об Игоревом походе.

Но по мнению А.Ф., Автор «Слова о полку Игореве», в этом месте, хотел сказать совсем о другом, а именно: «Плохо (нелепо) начинать эту песню «старыми словесы». Потому, что новое, современное, произведение нужно начинать современным языком, а не «старыми словесы» (и по «былинам сего времени, а не по выдумкам Бояновым»). Автор «Слова» четко излагает свою позицию, совершенно открыто отвергает творческий метод вещего Бояна, а кое-где откровенно и весело подсмеивается над ним, например, в эпизоде со свиванием «славы обаполы».

Кстати, этот фрагмент произведения также остался непонятым практически до сих пор, потому, что все толкуют этот фрагмент не иначе, как «прославление гениальности Бояна». А на самом деле здесь идет веселая и искрометная насмешка Автора «Слова» над вещим Бояном, где он «свивает славы обаполы сего времени» (чего человек вообще, и в принципе, делать не имеет права). Подробности читайте в статьях раздела Пояснений и комментариев, а также в специальных статьях ко второму изданию, что приведены в конце этой книги.

Это далеко не все, здесь приведена только часть пояснений и комментариев, с чисто ознакомительной целью и в очень сжатом виде. Полное собрание пояснений и комментариев имеет довольно большой объем и поэтому они выделены в отдельный раздел. Все пояснения и комментарии состоят из пояснений и комментариев, выполненных ранее другими исследователями, и тех, что выполнены автором этих строк. Пояснения и комментарии, что выполнены автором этого перевода (их тут более 85) даются с пометками: «Пояснения и комментарии А.Ф.» или просто «А.Ф.» И это только крупные пояснения и комментарии, при которых смысл переводимых слов или целых отрывков менялся радикально, более мелких заметок, пометок и комментариев гораздо больше.

Кроме этого даются еще четыре отдельных статьи, в которых более подробно излагается позиция автора этого перевода по тем или иным вопросам. Это – «Где речка Каяла и как Игоревы войска оказались на её берегах?», «В каком море потонули Игоревы войска?», «Реальные отношения между главными героями Слова о полку Игореве. И кто Автор этого Слова?», «Троянова земля и Киевская Русь».

В этой работе сделана попытка установить реальные отношения между главными героями «Слова о полку Игореве» – князем Игорем и ханом Кончаком, а также пролить свет на подлинное авторство этого произведения (то есть, кто Автор «Слова о полку Игореве»?). Читайте раздел Пояснений и комментариев.

Несколько замечаний по поводу того, что представляет собой «земля Трояня» и «тропа Трояня». Автором этого перевода выдвинута идея о древнем существовании Великой Трояновой земли (термин введен А.Ф.), где Древняя Троя есть лишь небольшая частица Великой Трояновой земли, которая существовала в свое время и в своем месте. А Великая Троянова земля, как существовала с древнейших времен, так и продолжала существовать. Она существовала и до Древней Трои, и никуда не делась после её разрушения. Эта земля тянулась от Атлантики и до Урала, и далее до Средней Азии и Алтая, включая Малую Азию, Кавказ и Персию. С севера ее границы шли от Скандинавии и до земель по берегам Средиземного моря, включая побережье Северной Африки.

Сразу же оговоримся, что Великая Троянова земля – это не государство – это именно земля, на которой располагались отдельные, самостоятельные государства, основанные родственными племенами. И эта земля никогда не заполнялась полностью этими племенами по всей территории. Они перемещались по этой земле, в её пределах, каждое в своё время.

Это было то самое «индоевропейское сообщество», которое располагалось в этих границах с древнейших времен. Их не нужно было откуда-то приводить в Поднепровье, они всегда были тут. И Русская (Троянова) земля всегда была тут, она никогда не нуждалась в приведении сюда каких бы то ни было переселенцев, для получения своего названия. Всем, кто интересуется этими вопросами более детально, настоятельно рекомендуется прочесть Пояснения и комментарии, а еще отдельную статью «Троянова земля и Киевская Русь».

В данном переводе названия древних росов и русов пишутся с одним «с», а россов и русов нового времени, с двумя. Это сделано совершенно сознательно, чтобы отличить одних от других. Расстановка ударений в старом тексте (в данной работе) сделана так, как это делал проф. Л. Е. Махновец в книге «Слово о полку Игореве», 1986 года издания. Но не везде. В некоторых местах эта расстановка не удовлетворила автора этих строк и там ударения расставлены по своему. И еще одно, в тексте 1800 года издания (публикуемом здесь), «ять» заменен на «е», чтобы текст можно было писать современным шрифтом.

При работе над переводом, при прояснении некоторых тёмных мест текста 1800 года, приходилось вносить некоторые изменения в стародавний текст. Где-то изменять разделение на слова, где-то по-новому ставить знаки препинания. Например, «бо речь» здесь записано одним словом, как «боречь» потому, что это «воины». А вовсе не «потому, что говорил», как это принято в других работах. Написание некоторых слов, выправленных ранее некоторыми предыдущими исследователями и переводчиками, как неправильные, – «по дубию», «далече» (рано пред зорями) и много других, возвращены к написанию 1800 года – «по добию», «давеча», потому, что по мнению А.Ф. никаких ошибок тут нет, и в тексте 1800 года было написано правильно.

Выражение «...силу прикрыла...» исправлено на «...силе прикро (обидно) стало» потому, что окончание «ла» было дописано первыми составителями и издателями Слова о полку Игореве. По мнению А.Ф. южно-русское (ныне украиноязычное) слово «прикры» (прикро) было принято первыми издателями за «прикрыла». Очевидно, психологически сработали рядом стоящие буквы «въ». Текст был записан «всплошную» без интервалов и получалось что-то вроде «прикрыво». Правда потом эти «въ» отнесли к далее следующему «въстала», но интуитивный намек все-таки очевидно сработал и к слову «прикры» дописали окончание «ла». Получилось «прикрыла», но речь то здесь идет об «обиде».

Во многих современных переводах есть случаи перестановки целых частей древнего текста. Например: «...тьмою ся поволокоста... и въ море погрузиста...». В тексте 1800 года «...

и въ море погрузиста...» стояло совсем в другом месте. В этой работе все поставлено на свои места и, по мере возможности, дано объяснение смысла древнего текста. Все остальное нужно смотреть в переводах, в древнем тексте, а также в Пояснениях и комментариях к ним.

Ф. Антонов

Слово о полку Игореве (Свободный перевод)

То нелепо будет, братья,
Если мы, собравшись с вами,
Запоем про современность
Стародавними словами,
Как исполненный забот
Игорь-князь пошел в поход.
Пусть вовеки славится
Игорь Святославич!
А начнется наша песня
По былинам наших дней,
Не по выдумкам Бояна,
Ибо вещий чародей,
Как начнет слагать кому-то
Песню славы, то его,
Силою воображенья,
В красках, в образах, в сравненьях,
(Пел свободно и легко!) —
Заносило далеко!

Растекался пышной кроной
Дивных мыслей над землей.
И носился серым волком
Нам неведомой тропой.
Высоко под облаками
Сизым соколом летал.
(Поэтическая сила —
Выше всех земных похвал!)

Помните, воины,
Первых времен усобицы?
Как бывало в те года?
Не в чести была вражда!
И съезжались все князья,
Словно добрые друзья!

Десять соколов проворных,
Наудачу, кто быстрее,
Выпускали в поднебесье
На летящих лебедей.
Чей питомец смертоносный
Первым лебеда собьет,
Тот и славу заберет.

Жребий свят – и честь по чести,
Удальцу слагают песни,
Славят подвиги его,
А дружина пьет вино.

Так слагали Ярославу,
Мудрому седому князю,
Пели храброму Мстиславу,
Хитроумной тонкой вязью.
Как ходил он на касогов,
(Дикий барс, в сраженьях резвый)
Как сойдясь в единоборстве
Князя Редедю зарезал.
Пели Красному Роману,
Брату Гориславича,
Восхищались красотой
Романа Святославича.

Но Боян, поверьте, братья,
Не губил лебяжьей стаи,
Он в порыве вдохновенья,
Струны в лад перебирая,
Песню славы заводил...
Взгляд невидящий скользил
В даль, щемящую, полей...
Крики белых лебедей...
Пальцы-соколы играли,
Князьям славу рокотали.

Так начнем же эту песню
От времен Владимира.
Через дни междуусобий,
До нашего Игоря.

Игорь-князь, собравшись с силой,
Ум свой крепостью стянул,
В путь далекий собираясь
В сердце мужество вдохнул,
Взял с собою сына, брата
И повел свои войска
На Донские берега.
На землю Половецкую
Пошел за землю Русскую.

О Боян, певец старинный,
Нежной трелью соловьиной
Как бы ты воспел поход,
Щебеча под небосвод?
По ветвям летая смело
Древа мысли,
Волком серым,
Чистым полем, за горой,
Мчась Трояновой тропой.

Несравненный и великий!
Уж когда ты запоешь,
Кого хочешь в плен возьмешь!
Ты и славу дней недавних
Краше древней поднесешь,
Из отдельных половинок
В одно целое совьешь,
Кинешься тропой Трояна,
Нужный образ подберешь,
И с кем надо поравняешь,
И как надо запоешь
Песню хитрую как вязь,
Лишь бы радовался князь.

Да к примеру, эта битва!
Вот где ладу ты бы дал!
Закружился ветром в поле
И конечно так начал,
Сидя где-нибудь над кручей:
«То не буря в чистом поле
Гонит соколов могучих...
То не ветер буйный стонет!
Не деревья в поле гнутся!
Дети Галицы великой
Вдаль на подвиги несутся...»
А быть может, вещий старец,
Спел бы ты, Велесов внуче:
«Кони ржут за речкой Сулой,

А в столице, эхом звучным,
Слава громкая звенит
И над всей землей летит!»

А на самом деле тихо
И никто не слышал «слыхом»,
Что на сборах зов гремит,
В Киев что-то там летит.
Без помпезности, спокойно,
Тем не менее, достойно,
Все идет своим путем.
Трубы, в Новгороде том,
Сбор скликают и зовут.
А в Путивле стяги ждут.
Игорь ждет родного брата,
Князя Всеволода ждет,
Из Трубчевска мимо Курска
Князь с дружиною идет.

Вот пришел буй-тур на встречу,
Рать курян, готовых к сече,
Вместе с ним пришла. Стоит.
Князь Всеволод говорит:
«Ты один мой свет на свете,
Брат мой, Игорь, оба дети
Одного с тобой отца,
Оба – Святославичи.
Так седлай же, брат мой, коней,
А мои – хоть вмиг в погоню,
Все под седлами стоят,
Нетерпением горят.

А мои бойцы-куряне
Опытные воины.
Рождены они в походах,
С конца копья вскормлены.
Их под шлемами взрастили,
Пути им ведомы,
Их мечами окрестили,
Овраги знакомы.
Словно барсы жаждут боя,
Тетива – как песня,
Сабли острые искрятся,
Колчаны на месте.
Не робеют в чистом поле
При опасной встрече.
Ищут в битвах князю славы,
Себе ищут чести».

Тут взглянул на солнце Игорь
И увидел, что оно
Темнотой погребено.
Мрак надвинулся ночной
И войска покрылись тьмой.

Говорит своей дружине
Игорь-князь: «Идемте ныне,
Сядем, братья, на коней,
Погуляем средь степей.
Так ли уж крепки кордоны?
Прогуляемся по Дону!
Лучше нам убитым быть,
Чем ярмо рабов влачить!»

И такое вот желанье
Князю на душу легло,
Что затмение светила,
Даже!
Не перевозмогло:
«С вами, русичи, желаю,
Край родной оберегая,
Копья в битве испытать!
Вражью силу потоптать!
Дона тихого степного
Шлемом боевым испить.
Или – голову сложить!»

И вступил князь Игорь в стремя,
И поехал по степи,
Солнце тьмою заступало,
Ночь стонала на пути.
Пробудились птицы в гнездах,
Разразился громкий свист.
Стынет кровь, трепещет лист —
Кличет див в вершине темной,
Всею силой неумной,
Землям подает сигнал,
Чтобы недруг не дремал.

Внемлет Волга, внемлет Сула,
На Поморие летит
Грозное предупрежденье:
«Поднимайтесь все, кто спит!»
Корсунь, Сурож окликает,
Окликает и тебя,
Истукан тмутороканский,
Чтоб готовил в бой коня.

Половцы перепугались
И спешат уйти за Дон.
Скрип телег, среди темной ночи,
Так похож на птичий стон.
Словно лебеди в тревоге
Встрепенулись и в полет.
Игорь-князь с войной идет!

Вот и птицы ждут несчастий
Сутками на деревьях.
Волки воют по оврагам,
В темноте вселяя страх.
И стервятники слетелись,
Основались, молча ждут.
И лисицы хриплым лаем
Тоже к пиршеству зовут.
Ночь. Идет в тревоге войско.
Степь враждебная кругом,
Русь родная за холмом!

Ночь прошла и незаметно
Появился алый свет.
Зорька в небе заиграла,
Посылая свой привет
Сонным травам и долинам.
Смолкнул в роще соловей.
Небо синее светлей.
Всполошились все вороны
На развесистых дубах.
Стало Игореве войско
Четким строем на холмах.
Заалели щиты.
Вот сойдутся две лавы,
Честь тогда храбрецу,
Победителю слава!

Утром в пятницу столкнулись,
Потоптали вражий строй,
И погнали врассыпную,
Беспорядочной толпой,
Обезумевших от страха,
Убегающих врагов.
Мимо брошенных кибиток
И покинутых шатров.
Похватили жен и девок,
Понаграбили добра,
Разгулялась тут дружина,
Взяв добычу на ура.
И давай метать под ноги

Покрывала и плащи,
И узоры дорогие,
И шелка, и кожухи...
(Прочь бежали «пастухи»,
Кинув золото!)

Красный стяг, с хоругвью белой,
И бунчук на серебре,
В знак любви и уваженья
Князь наш, батюшка, – тебе!

Дремлет храбрая дружина,
Спит Олегово гнездо.
Далеченько залетело.
На бесчестие оно
Не было порождено.
Ни потомкам буйных готов,
Ни тебе, разбойный сын,
Черный ворон половчин!

Гзак, набегом возмущенный,
Серым волком в ночь бежит.
Вслед за ним Кончак могучий
К Дону синему спешит.
Кто предскажет, кто решит
Спор суровый и кровавый,
И ответит не лукаво —
Кто там завтра победит?

А назавтра, утром рано,
Зори грозные встают.
Небо кровью заливают,
Тучи черные идут.
С моря, с Дона, через степи,
Чтоб навеки поглотить
Светлые четыре солнца.
Да, грозе великой быть!

Ярко молнии трепещут,
Мир небесный в клочья рвут,
Скоро хлынет дождь стрелами,
То-то кровушки прольют.
Вот где копьями сразиться!
Вот где саблей порубить!
Здесь, на берегу Каялы.
Да, грозе – великой быть!
На раздольи, на степном.
Русь осталась за холмом!
Вдаль ушла земля холмами.

Степь зелеными коврами
Раскатилась до небес...
И враги наперерез!

Это вы, Стрибожьи внуки,
С моря веете в степи?
Стрелы острые несете
На уставшие полки!
А земля гудит и стонет,
Реки взмучены текут.
Пылью степи покрывает,
А враги идут... идут...
Стяги вражьи возвещают:
С моря половцы идут,
Вот идут дружины с Дона,
Обступили там и тут.
Руссы храбрые сомкнулись
И взялись за ратный труд.

Яр-тур Всеволод! На брани
Ты надежда и оплот.
Твое войско, как тараном,
Пробивает путь вперед.
Где проходишь – там дорога,
Где свернул – там поворот.
Где идет твоя дружина,
Там рекою кровь течет.
Бьешь врагов своих стрелами,
Шлемы крепкие сечешь,
Горы трупов – след за вами,
Крепкий строй, сияет знамя,
Смело сквозь врагов идешь,
И бойцов своих ведешь.

И куда ты не поскачешь,
Там злачённый шлем блестит,
Там же меч твой смертоносный
Жутким посвистом свистит.
А кругом, в кровавых лужах,
Вражьи головы лежат.
Тучей вороны кружат.
Не спасли, ни шлем аварский,
Ни брони стальной оплот,
Снесены ударом мощным.
Тур могучий Всеволод!

Что те раны? Кто считает?
Когда все, и жизнь, и честь,
И что было, и что будет —

Всё на свете, все как есть,
Позабыл в пылу сраженья!
Отступили на мгновенье
И объятия жены,
И престол мечты и славы,
И преданья старины.
В сердце боя окружённый,
В мыслях все уже решив,
Разрубал врагов могучих
Словно разъярённый див.

Были войны в дни Трояни,
В лету канули года,
Когда битвы Ярослава
Сокрушали города.
И Олеговы походы
Прокатились чередой.
Да, Олег был не простой!
Воин вольный, своевольный,
С переменчивой судьбой!
То в неволе, то в престоле,
То всеильный, то изгой.

Да, ковал Олег крамолу,
Стрелы сеял по земле,
Вступит он, бывало, в стремя,
Там, вдали, в своей земле,
В городе Тмуторокани,
Опоясавшись для брани.
Значит скоро быть беде!

Звон его стремян злачёных
В стольный Киев долетал,
Князь Всеволод Ярославич
Слыша звон тот, трепетал.
Да и сын его, Владимир,
Звон в Чернигове слышал.
И от звона боевого
Крепко уши затыкал.
И ворота городские,
По утрам, (дела такие!)
На засовы запирали.
(Страх на сильных напал,
Когда звон тот долетал.)

И Бориса молодого
Доля горькая свела
(Загубила похвальба!)
За Олегову обиду,

За наследные права,
В час недобрый привела
На кровавую поляну,
Против киевских дружин.
В землю лёг не он один!

С той же Каниной поляны
Святополк увёз отца
На венгерских иноходцах,
Долг исполнив до конца.
И привёз с почётом в Киев,
В храм соборный. И в Софии
С тихой скорбью погребли,
Зла не помня киевляне.
А на Каниной поляне
Спит безвестный славянин,
И уж, вправду, – не один.

В те года, при том Олеге,
Межусобица цвела,
Гибла жизнь Дажьбожьих внуков,
Сокращая им века,
Рушился очаг домашний.
В те года, весной на пашне,
Редко пахари брели.
Вместо них вороньи стаи
Спор над трупами вели.
Опустела Русь в крамолах,
На побоищах галдёж —
Разжиревшие вороны
Учинили свой делёж.

Это было в те столетья,
В те походы и бои.
А такой как эта битва
И седые старики
От рождения не знали,
Хоть и многое видали.

Так с утра и до заката,
С темноты и до утра,
Бьются в поле незнакомом
Дети Ольгова гнезда.
И гремят мечи о шлемы,
Стрелы тучами летят,
Бьются кони, топчут трупы,
Копья крепкие трещат.
И усеялась костями
Плодородная земля,

Кровью полита багряной.
И по всей Руси возшла
Безысходная тоска.

Что шумит в далеком поле?
Что там рано пред зарей?
Разворачивает войско
Игорь-князь перед бедой.
Закрывает брешь в порядках,
Хочет брата защитить.
Но беды не отвратить!
Бились день, всю ночь сражались,
И ещё (без сна) полдня,
В полдень дрогнули ковуи,
Рухнул строй – пошла резня.
Тут расстался Игорь с братом,
Тут кровавого вина
Не хватило пировавшим.
Плачет Русская земля.
Травы жалостью поникли,
Ветви горем налились.
Запустение покрыло
Цвет и молодость, и жизнь.

А на Дон пришла Обида
(Аж до берегов Тавриды!),
Из Трояновой земли,
Из Дажьбожьей стороны.
Девой-лебедем явилась,
Тихо в море опустилась,
Сделала могучий взмах,
Подняла с волнами страх.
Силы Поля вдруг проснулись,
От обиды встрепенулись,
Захлебнулись, как волной,
И пошли на Русь войной.
Мир, и счастье, и покой —
Всё исчезло прочь долой.

А князя в междуусобьях.
Свой родного в клочья рвут,
И погибель накликают.
А язычники идут.
Говорит родному брату,
Отнимающий добро:
«То моё! И то – моё же!
Это – тоже! Всё моё!»

Брат идёт войной на брата,

Побеждённый слёзы льёт.
(Или, хуже, убегает,
А потом врагов ведёт.)
А в князьях одни раздоры,
И о малом говорят,
Как о чем-то о великом.
А кочевники спешат.
Саранчою налетают,
Гибель чёрную несут.
И в сраженьях верх берут.

Залетел далёко сокол,
Подгоняемый мечтой.
Воспарил в мечтах высоко
Над равниною степной.
Гнал залётных птиц на море,
Думал дальше оттеснить.
Но полков не воскресить.

А потом затрубили карнаи: «Огня!»
И помчались по Русской земле,
Жар в людей кидаючи,
В огненных рогах.
Мечут тот огонь в рогах,
Мечут стрелы, мечут страх,
Долго пламя полыхало
В разорённых городах.

Жёны русские о милых
Зарыдали, голося:
«Неужели нам любимых
Не увидеть никогда?
Ни увидеть, ни услышать,
Ни обнять, ни приласкать.
Ни любви нам, ни богатства.
Век свой вдовый коротать».

Застонал печалью Киев,
И Чернигову от бед
Жизни и покоя нет.
Разлилась тоска рекою,
Стонет Русская земля
От нахлынувших напастей.
А князья, в чьей это власти, —
Все крамолы да разбой.
Да врагов ведут домой.
А кочевники приходят,
Дань богатую берут
(По шелягу от подворья)

А не заплатишь – сожгут.

Вот уж храбрые питомцы
Святославова гнезда
Разбудили гнев кочевий,
Загнусила нужда —
Встала старая вражда!

Ту вражду прибил когда-то
Князь великий Святослав,
Мощной киевской грозой.
Подстерёг,
И час для боя выбрал верно,
И напал —
За пороги прочь прогнал.

Да! Сурово потрепал
Он железными полками
И булатными мечами
Землю половцев. Конями
Реки тихие взмутил,
А озёра и болота,
Словно вихорь, иссушил.
Притоптал холмы, овраги —
Крепок хмель военной браги,
Разгромил полки врагов
У Орельских берегов.
Самого же полководца,
Хана Кобяка, пленил.
После, в Киеве, – убил.

Прославляют Святослава
Иноземцы на пирах.
Немцы, греки, итальянцы,
На различных языках.
Прославляют за победу,
Славу громкую поют.
Князя Игоря клянут —
Утопил в Каяле-речке
Счастье всей своей земли,
Золото рассыпавши.

Здесь, на этой же Каяле,
Из богатого седла
Пересел плененный Игорь
(Видно счастье подвело)
Из седельца золотого
В половецкое седло.
Разлилась печаль рекою,

Приуныли города,
Флаги спущены на башнях,
Нет веселья и следа.

А однажды Святославу
В стольном граде, на горах,
Сон приснился непонятный.
И закрался в душу страх.
«Покрывают, – молвит тихо, —
Прошлым вечером меня
Похоронным покрывалом,
На кровати тисовой —
А вокруг народ толпой.
Черпают ковшом из бочки
Тёмносинее вино
И с почтением подносят
(Но с отравой оно).
Из пустых колчанов сыплют
Крупный жемчуг на живот.
Упокойный хор поёт.
И меня уж обряжают,
Как для царских похорон.
А в ушах могильный звон...

И уж нет конька над кровлей
В красном тереме моём.
Он стоит осиротелый,
Ветер бьёт его крылом.
Словно крышку забивают
Над моею головой.
Стук тревожный,
Ветра вой...
С вечера вороньи стаи
На поречьи собрались.
И галдели до рассвета.
А с рассветом унесли
К морю синему. Как будто
Собрались со всех сторон,
Для свершенья похорон.
Тризну справили и вон!»

И сказали бояре князю:
«То, князь, горе ум помutilo!
То два сокола слетели
Вдаль из отчего гнезда.
(Знать уж слово не узда!)
Тайною была езда!
(Самовольно улетели!)
Доискаться захотели

Города Тмуторокани.
Вот и дорвались брани!
(Хотелось напиться
Шлемом из Дона!)

А тех соколов поймали,
Крылья срезали слегка,
Цепью крепкою сковали
По рукам и по ногам.
Нынче, княже, горе нам.
В третий день – настала темень!
Оба солнца среди дня
Закатились
И погасли два багряные столпа!
Вместе с ними закатились
Оба юных молодца,
Два прекрасных месяца —
Князь Олег и Святослав,
Жизни даже не познав,
Чёрной теменью покрылись
И Каяла тоже скрылась,
Как накрылась темнотой.
Налетел звериный вой.

Половцы землю Русской,
Как гепардов стая,
Удержу не зная,
Гонят за добычей – грабежи в обычай!
Цель одна – грабёж да мщенье
(Смерть, пожары, разоренье...)
И завидует живой
Тем, кто спит в земле сырой.
После, в степь ушли. И скрылись.
Будто – в «море погрузились»,
Нашу радость оборвав,
Все кочевья взбунтовав.
(Угро-финов и литвинов
По набегам разбросав.)

Уж сменилась хула на хвалу.
Обернулась неволя на волю.
Тут и диво спустилось на землю —
Это готские красные девы
Хороводные песни запели.
Закружились в неистовых плясках,
Брыжжут радостью яркие краски.
Русским золотом звенят.
И к отмщению манят.
Вспоминают время Буса,

Как пленили готы русов.
И зовут скорее ханов
Отомстить за Шарукана.

Нам же, княжеской дружине,
Боль покоя не даёт.
Грусть-тоска тугим арканом
Горло стиснула и жмёт.
Только беды да напасти.
Враг бесчинствует, а мы
Уж не ходим на пиры.
А ведь мы не чужеземцы!
На своей земле стоим!
От обиды нет покоя —
Мы веселия хотим!»

И тогда убитый горем
Князь великий Святослав
Молвил слово золотое,
Со слезами. И сказал:
«О, сыны мои родные,
Игорь и ты, Всеволод!
Ну зачем вы своевольно,
Крадучись, ушли в поход.
Молодость тому виною,
Не сдержали свою прыть,
Стали острыми мечами
Землю половцев губить.
Славу думали добыть?
Но без чести одолели,
Там, вдали, в земле чужой.
И без чести кровь пролили
Острый меч да нрав крутой.
И сердца у вас из стали,
В буйстве битв закалены.
Что ж вы, дети, натворили?
Для моей-то седины!

А уже не вижу боле
Я черниговских полков,
Сокрушавших в чистом поле
Многочисленных врагов.
Где могуты и татраны?
Где шельбиры, топчаки?
Где ревуги и ольберы?
Где былинные полки?
Те бывало без оружия,
Без мечей и без щитов,
С засапожными ножами

Гнали прочь своих врагов,
Как звенела эта слава!
Что не вижу Ярослава,
Брата милого со мной?
Чтоб идти в смертельный бой!

Вы ж решили только сами
Доблесть в битве проявить.
И всю славу боевую
Безраздельно захватить.
А скажите, разве дивно
Старому помолодеть?
Когда сокол повзрослеет,
То ветрам высоко петь!
И врагам не одолеть
В битвах сильного.
И детям малым не осиротеть.
И гнезду не опустеть!

Корень зла в ином таится!
Возраст вовсе не при чём.
Зло – вражда между князьями!
Каждый только о своём.
А князья-усобники, в деле не пособники!
Славу по ветру пустили.
Все добытое – вничто!
А под Римами несчастье.
Враг лютует и никто
Не заступится по-братски.
И никто не защитит.
Меч кривой крушит и рубит,
И кругом земля горит.

В тяжких ранах князь Владимир.
Горе, слёзы и тоска.
Подломили сына Глеба
Вражьи копыя в миг броска.
Жизнь на грани волоска.
Горе и печаль сыну Глебову!

Княже Всеволод великий!
Чтоб не мысленно тебе
Прилететь бы издалеча
Да отеческой земле
Послужить мечом умело,
По-сыновьи, ратным делом.
Не в желаньях, не в мечтах,
А на деле и в боях!
Ты ведь можешь даже Волгу

Веслами порасплескать.
Дон повычерпать шлемами.
У тебя такая рать!
Будь ты нынче вместе с нами,
Продавали б на торгах
Юных пленниц по ногате —
Диво дивное в очах!
Да и пленник, не в цене, —
Был бы лишь по резане.
Ты ведь можешь, князь-воитель,
Даже посуху стрелять
Копьеносцами лихими,
Глебовичами удалыми.
Нужно только пожелать!

Вы, воинственные братья!
Храбрый Рюрик и Давыд!
То не ваша ли дружина
Туром раненым кричит.
(Саблями порубаны
В поле незнакомом!)
Разве то не ваши люди
Там, убитые лежат?
И не их золотые шлемы
Из кровавых луж блестят?
Так вступите господа
В золотые стремяна.
За землю нашу Русскую.
За раны князя Игоря,
Храброго и смелого
Князя Святославича!

Князь Галиции, великий
Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь на троне,
Мощь державную создав!
Ты закрыл в горах проходы,
Венграм путь загородил.
Временем играешь ловко!
Путь Дунаю перекрыл.
Твои грозы, словно тучи,
В земли дальние плывут.
Твои воины бесстрашно
Вдаль на подвиги идут.
Отворяешь стольный Киев,
Не спросив ни у кого.
Суд вершишь аж до Дуная!
Так поведай, отчего?
Ты стреляешь вдаль к султанам,

Земли чуждые берёшь,
А своей – не бережёшь?

Так стреляй, властитель сильный,
Лучше в хана Кончака.
За поруганную землю,
Да за раны Игоря,
Храброго и сильного
Князя Святославича!

А ты буй Роман!
И надёжный Мстислав!
Храбрая мысль умело
Движет ваш ум.
Высоко в облаках
Мчитесь вдвоём на дело!
Словно как соколы на ветру,
Крылья вразлёт раскинув,
Храбро бросаетесь на врага,
В буйстве его опрокинув.
Есть у вас в латинских латах
Воины железные.
Дрогнули от них соседи,
И враги любезнее —
И Литва, и Деремела,
И Ятвяги, и Хинва.
Да и половцы склонились,
В страхе копья побросав,
Перед теми латами,
Да под мечи булатные!

Но уж поздно, князь!
Померкнул Игорю от солнца свет.
И деревья обронили
Не к добру свой лист и цвет.
И по Роси, и по Суле
Поделили города.
А уж Игореву войску
Не воскреснуть никогда.
Дон вас всех на подвиг кличет!
Князь-воитель, отзовись!
Ольговичи поторопились,
Вот и не убереглись.

Ингварь! Всеволод!
Прекрасны, вы, Мстиславичи-бойцы!
Неплохие шестикрыльцы,
Удалые молодцы!
Не победами ль в сраженьях

Вы добыли свою власть?
Где же шлемы золотые,
Коим пир кровавый всласть?
Где же копья боевые,
Где же польские щиты?
Станьте доблесно на страже
Стрелы острые вперив,
Доступ Полю перекрыв.
За землю нашу Русскую,
За раны князя Игоря,
Храброго и сильного
Князя Святославича!

Уж и Сула светлой речкой
Не течёт в Переяславль.
И Двина потоком мутным
(Не река, а мутный сплав)
Надвигается к славянам,
Всё под кликами поганых,
От лесных полночных стран,
Тучей грозных полочан.

Изяслав, из всех единый,
На пути такой лавины
Стал защитною стеной
И вступил в смертельный бой.
Позвонил в сраженьи жарком
В шлемы воинов Литвы.
Но среди густой травы,
Сам под красными щитами
Слег, обласканный мечами
От воинственной Литвы.

Под прощальный шум листвы,
Исходя последней кровью,
Без мольбы, не дрогнув бровью,
Как последний час настал,
Тихо про себя сказал:
«Крылья птиц твою дружину
Приоденут в дальний путь,
Звери кровь оближут с трупов...»
Грустная той песни суть.
И ни брата Брячеслава,
И Всеволода не было —
Бросили родные братья
Изяслава одного.

Но негибнущая слава
Не забыла Изяслава,

Улыбнулась тихо в след,
Да послала свой привет
Деду храброму Всеславу.

И бессмертная душа,
Расставаясь с храбрым телом,
Вдаль тихонько отлетела.
Смертным жемчугом блестя,
К высям горним шелестя,
Через тонкое изделие,
Золотое ожерелье.
И на все один ответ,
Изяслава больше нет.
Сникли радость, и веселье,
Приуныли голоса,
Льется смерти полоса —
Грусть вселенская!
Трубы траурно гудят
Городенские.

Ярослав и все внуки Всеслава!
Опустите стяги!
И мечи свои вложите
Грозные в отваге!
Вы крамолами своими
Ведёте поганых,
На Русскую землю,
А земля в ранах.
Как ни водитесь хитро,
Гибнет ваше же добро,
Всех наследников Всеслава,
Всех потомков Ярослава.
И насилие чинят
Все, кто только захотят!»

На седьмом Трояна веке
Бросил жребий князь Всеслав,
О красавице любимой.
Не имея должных прав,
Хитростью вооружился,
На горячего коня,
И помчался в стольный Киев.
Как ни есть, но стольный взял.

Но как только лишь добился
Киевского княж-стола,
Тут же прочь от них сбежал.
Лютым зверем, тёмной ночью,
Из Белгорода, по-волчьи,

Просто прыгнул в темноту
И растаял. Поутру,
В Новгороде объявился,
Под стенами. Ополчился.
Взял тараны-стрикусы,
И защиты, и красы в раз лишил —
Ворота града, Ярославову отраду,
Проломил, разбив в куски.
Вот такие-вот броски!

Так разрушил князь Всеслав
То, что создал Ярослав.
Но и тут не усидел.
И с Дудуток полетел
На Немигу.
На Немиге
Смерть обильно жатву жнёт.
Здесь на брата брат идёт.
Стелют головы снопами,
На току кладут живот.
И течёт кровавый пот.

И булатными мечами
Жизнь людскую молотят.
И лютуют, как хотят.
Веют душу прочь от тела,
Гибнут смелые из смелых.
И Немиги берега,
(Жизнь людей не дорога)
Все усеяны костями
Русских воинов. Они
В землю семенем легли.
А что после проросло,
Бедствием на Русь пришло.

Князь Всеслав, людей судил,
Города князьям рядил,
Сам ночами волком рыскал.
За ночь, бают, доходил
Аж до кур тмутороканских.
(Правда, вне владений ханских.)
В те года «суровый галл»
Очень близко проживал.
Вовсе не в Тмуторокани.
Там их не было и ране,
Этак годиков с пятьсот,
Как из их житейских сот
Дух их древний испарился.
Курск, на Куре, появился,

Куриш Приморье оседлал,
А в Литве засел «лат-галл».

В общем, не в Тмуторокани,
Кур тмутороканский жил.
Он давно, в степных курганах,
Древних предков хоронил.
А потом в лесах тенистых,
Среди пагорбов и нив,
Пил из рек хрустально чистых
И строгал своих богов
У Курляндских берегов.

А Всеслав (к тому вопросу),
Рыскал видимо без спросу,
Их потомков навещал.
И не раз при этом Хорсу,
Предку куров – древней корси,
Волком путь пересекал.

Ему в Полоцке бывало
На заутреню звонили,
А он в Киеве, в тот час,
Слышал звон, как божий глас.
Вещая была душа
В теле князя-колдуна.
Как не прыгал, ни скакал,
Но от напастей страдал.
И ему Боян правдивый
Как-то песню сочинил.
В этой песенке шуточной
Он с усмешкой говорил:
«Ни хитрому, ни прыткому,
Ни птичке проворной,
Суда божьего не минут!».

И стонать Руси от горя,
Вспоминая о тех днях,
Когда ею управляли
Властью сильные князья.

Того старого Владимира
Нельзя было пригвоздить
К горам киевским.
А теперь, случись несчастье,
То один с дружиной в бой,
А другой – к себе домой.
Ладу нет в земле родной.
Все теперь – разбогатели!

Поделились меж собой!
Рюрик доблестный – на битву,
А Давид – к себе домой.
И не в лад им кони пашут.
Порознь воины идут.
И об этом копыеносцы
Песни горькие поют.

На Дунае Ярославны
Голос слышится далекий.
Плачет жалобно кукушкой
На рассвете одиноко.
«Полечу, – поёт, – кукушкой
По Дунаю в степь далече,
Омочу рукав шелковый
Я в Каяле быстротечной,
Полечу на поле битвы,
Князя милого найду,
И его больные раны
Осторожно оботру».

Ярославна причитает
На стене перед рассветом.
И с тоскою обращаясь,
Говорит седому ветру:
«О, зачем ты, ветер буйный,
Сильно веешь на просторе?
О, зачем ты, господин мой,
Навеваешь много горя?
Гонишь вражеские стрелы
На своих воздушных крыльях
И безжалостно вонзаешь
В воинов моего мужа?
Разве мало тебе в небе
Веять там, под облаками,
И вдали, на синем море,
Всласть игратья кораблями?
Так зачем же, господин мой,
Радость нежную мою
Разметал по ковылю?»

Ярославна рано плачет
Перед городом Путивлем,
На стене высокой стоя,
Говоря: «О, Днепр-Славутич!
Ты пробил себе дорогу
Сквозь кремнистые пороги.
Твой могучий бег волны
Святославовы челны

Колыхал, как в колыбели,
До речной излучины,
Аж, до войска Кобякова,
Чтобы взять его в оковы.
Так верни же, господин мой,
Мужа милого ко мне.
Чтобы я к нему не слала
Слёз горючих на заре».

Ярославна горько плачет
Рано утром на рассвете:
«Трижды светлое светило!
Ты прекрасней всех на свете!
Так зачем же, господин мой,
Свои жаркие лучи
Распростер в безводном поле
На уставшие полки?
Обессилил жаждой руки,
Свёл тоской тугие луки,
И колчаны иссушил,
Горем тягостным закрыл?»

Зашумело в полночь море.
Волны в сумерках идут.
Бог указывает князю
К отчим землям тайный путь.

Вечер. Зори потухают.
Тихо в стане, стража спит.
Притворившись князь лежит,
В мыслях Поле замеряет —
Путь, которым побежит.
Избежать погони —
От Донца до Дона!

Кони к полночи готовы.
Тихо свистнул за рекой
Верный Лавр – прощай покой!
Князь исчез. И тут хватились!
Зашатались вдруг шатры.
На коней и в миг в погоню
Сквозь горящие костры.
Игорь-князь метнулся быстро
Горностаем в камыши.
Выплыл гоголем на воду
И теперь его ищи.

Бросился на борзого коня.
Соскочил с него он буйным волком.

И помчался к берегам Донца —
На Лугань!
(Чтоб сбить погоню с толку.)

Вот он сизым соколом летит,
Синь туманов быстро прорезает,
Влёт сбивая диких лебедей,
Лавр за ним проворно поспекает,
Струшивая чистую росу.
Ночь густая беглецов скрывает.
Мчались они все быстрее и быстрее
И надорвали рысистых коней.

Говорит Донец: «Князь Игорь!
Все величие – тебе!
Кончаку – моё нелюбие,
А Руси – веселие!»

Отвечает Игорь: «Донче!
Я приветствую тебя,
Как приветствуют друзья!
Чсть свою, своё величье,
Свои воды сквозь века
Ты проносишь горделиво,
Дружелюбная река!
Ты лелеял нежно князя
На задумчивых волнах.
Стлал ему траву в дубравах
На зелёных берегах.
Укрывал его туманом
Над водой, в тени дерев.
Сон стерёг его тревожный
Чуткой птицей на воде.»

Не такая, молвят, Стругна —
Худосочная река.
Но как хлынут воды ливней,
Да схлеснутся у Днепра,
В устье-улове широком,
В омуте с водоворотом,
Топит всех, кто ни плывёт,
Дань жестокою берёт.
Вот и князя Ростислава
Утопила, взяв на дно.
Хоть и было то давно,
Плачет мать по Ростиславу,
Гнутся ветви и листья,
Никнут жалостью цветы.

Не сороки затрещали,
То за Игорем во след
Скачут половцы в погоню.
Ищут князя. Князя нет.
Звери, птицы понимают,
И, чем могут, помогают:
Так, вороны – не кричат,
Галки тоже все молчат.
И сороки не стрекочут,
Змеи только лишь шуршат.
Дятлы дробным перестуком
Указывают путь реки.
Соловьи веселой песней
Возвещают свет зари.

Предлагает осторожно
Гзак ревнивый Кончаку:
«Если сокол улетает,
К своему летит гнезду,
Нам накинуть не мешает
На соколича узду!
Так давай домой вернёмся,
Юным княжичем займёмся,
И над речкою степной,
Тонкой золотой стрелой,
Расстреляем молодца.
За побег его отца».

Гзаку хитро отвечает
Умудрённый хан Кончак:
«Если сокол улетает,
И не взять его никак —
Значит сокол тот смельчак!
Трус клянет судьбу и долю.
А смельчак идёт на волю,
Жизнь свою в заклад кладёт,
А на волю все ж идёт.
Мы же князя молодого,
Сына сокола такого,
Не злаченою стрелой,
Свяжем юною женой».

И сказал тогда Гзак Кончаку:
«Коль опутаем красною девицей,
То не будет нам ни сокольца,
Не будет и красной девицы!
Нас тогда и куры заклюют.
Птицы с нас тогда начнут смеяться,
Враг уйдет и девку уведут.

И куда нам всем тогда деваться?»

Пел Боян не только песни-славы,
Не только про Трояновы дела.
Он пел и про «походы» Святослава.
(Иду на вы!) И тут ему хвала!
То были песнопенья о прошлом.
Их сочинил прекраснейший поэт.
Там и княженья Ярослава
И поучительный совет!
(И то, что делать не пристало...)

А то, что пел про Святослава,
Как раз другому подошло.
И в поучение пошло
Крамольному воителю Олегу,
Через его любимую жену —
Не разорить крамолами страну!
И тут – не выжечь, ни отсечь:
«Тяжело головушке без плеч,
Телу тоже – зло без головы.»
(Это вместо похвалы!)

Худо будет на Руси всем без Игоря!

Солнце на небе сияет,
Игорь-князь в родной земле.
Девы песни запевают
На Дунае, вдалеке.
Голоса их звонко выются,
С моря к Киеву летят.
«Игорь-князь домой вернулся!» —
Радуются, стар и млад.
Игорь едет в стольный Киев.
Бег стремительный коня
На Боричев взвоз выносит.
На моление звонят
В божьих храмах.
Игорь едет
К Пирогощей напрямик,
Замолить свои грехи.
Рады все и веселы!

Пели песнь князьям старинным,
А теперь и молодым
Песню славы начинаем!
Слава в битвах удалым!
Князю Игорю веки
Славу громкую поём.

Князю Всеволоду славу
По заслугам воздаём.
И Владимиру по чести
Грянем славу. И всем вместе,
Тем, кто силою полков
Сокрушал своих врагов.
Не жалел ни сил, ни ран,
Защищая христиан.
Князьям слава и дружине!
Аминь!

Слово о полку Игореве (Перевод близкий к первооснове)

То нелепо будет, братья,
начинать старинными словами
горьких повестей
песнь о походе Игоревом.
Игоря Святославича!

Пусть начнётся эта песня
по былинам наших дней.
Не по выдумкам Бояна.
Ибо вещей тот Боян,
когда хотел кому-то песнь творить,
то растекался он мыслью по дереву,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.

Помнит воин первых времен усобицы!
Тогда пускали десять соколов на стадо лебедей!
И та, которую всех прежде настигали,
та первую и песнь слагала
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
зарезавшему Редедю перед касожским войском,
красному Роману Святославичу.

Боян же, братья,
не десять соколов на стадо лебедей пускал,
а свои вещие персты на живые струны возлагал,

они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть сию
от старого Владимира до нынешнего Игоря.
Игорь стянул свой задум крепостью своею,
и заострил сердце своё мужеством,
исполнился ратного духа,
и в бой повёл свои храбрые полки
на землю Половецкую,
за землю Русскую.

О Боян, соловей старого времени!
Если бы ты про сей поход прощебетал,
скача, соловушко, по мысленному дереву,
летая умом под облаками.
Свивая славы обаполы сего времени!
Рыща тропю Трояновой
через поля и горы...

Пел бы ты песнь Игорю,
того (Гота) внуку:
«Не буря соколов занесла через поля широкие —
стаи галок летят к Дону великому...»
А не запеть ли было тебе,
вещий Боян, Велесов внуче:
«Кони ржут за Сулою —
звенит слава в Киеве...?»

Трубы трубят в Новгороде,
стоят стяги в Путивле —
Игорь ждёт милого брата Всеволода.
Говорит ему буй-гур Всеволод:
«Один брат, один свет светлый – ты, Игорь!
Оба мы – Святославичи!
Седлай, брат, своих быстрых коней,
а мои уж готовы, оседланы.
Уже под Курском. (Уже в пути!)»

А мои куряне – опытные воины:
под трубами рождены, под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены.
Пути им ведомы, овраги знакомы,
луки у них напряжены, колчаны отворены,
сабли изострены.
Сами скачут словно серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы».

Тогда взглянул Игорь на светлое солнце
и видит от него тьмою все свое войско покрытым.

И сказал Игорь дружине своей:
«Братья и дружина!
Лучше убитому быть,
нежели пленному быть.
Сядем, братья, на своих быстрых коней,
да посмотрим на синий Дон».

Пало князю на ум желание,
а жалость ему знамение заступила
отведать Дона великого.
«Хочу, воины, копье испытать
о край поля Половецкого.
С вами, русичи, готов голову свою положить.
А любо напиток мне шлемом из Дона».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало,
Ночь, стонучи ему грозою, птиц побудила.
Громкий свист, резанул и смолк —
див кличет в верху дерева,
велит послушать землям далёким:
Волге, и Поморью, и Посулью,
и Сурожу, и Корсуню,
и тебе, Тмутороканский идол.

А половцы путями не готскими
побежали к Дону великому,
скрипят телеги в полуночи,
кричат лебеди распуганные:
«Игорь к Дону войско ведёт!»
Уже бед его ждут птицы сутками,
волки грозу вещают по оврагам,
орлы клекотом на кости зверей зовут,
лисицы лают на червонные щиты.
О, Русская земля, ты уже за холмом!

Долгой ночь была. Заря свет зажгла.
Дымкой степь покрылась,
смолкнул щебет соловья.
Говор галок пробудился.
Русичи великие поля щитами красными перегородили,
ища себе чести, а князю славы.

Рано в пятницу
потоптали поганые полки половецкие
и, рассыпаясь стрелами по полю,
помчали красных девок половецких,
а с ними золото, шелка

и дорогие бархатные ткани.
Покрывалами, плащами и шубами
стали грязь устилать и в болото метать,
и топтать кружевное узорочье.
Красный стяг, белая хоругвь,
красный бунчук на серебряном древке —
храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо —
далече залетело!
Не было оно на обиду порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, чёрный ворон,
поганый половчин!
Гзак бежит серым волком,
Кончак вслед за ним едет к Дону великому.

На другой день утром рано
кровавые зори свет извещают:
чёрные тучи с моря идут,
хотят закрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьями сразиться,
тут саблями порубиться
о шлемы половецкие,
на реке на Каяле,
у Дона великого!
О, Русская земля! Уже не холмистая ты.

То ветры, Стрибожьи внуки,
веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.
Земля гудит,
реки мутью текут,
пылью поля покрывает.
Стяги вещают:
«Половцы идут от Дона и от моря,
со всех сторон русские полки обступили!»
Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русичи загородились красными щитами.

Яр-тур Всеволод!
Стоишь в обороне,
прыщешь на воинов стрелами,
гредишь о шлемы мечами булатными!
Куда поскачешь, тур,

своим золотым шлемом посвечивая,
там лежат поганные головы половецкие,
посечены саблями калёными шлемы аварские,
тобою, яр-тур Всеволод!

Что те раны, дорогие братья?
Когда забыл почесть, и жизнь,
и града Чернигова отчий золотой престол!
И своей милой жены, красавицы Глебовны,
привычки обычные.

Были века Трояни,
минули года Ярослава,
были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.
Вступит, бывало, в золотое стремя он
в городе Тмуторокани,
так тот звон слышал
старого великого Ярослава сын Всеволод,
а Владимир по утрам уши затыкал в Чернигове.

И Бориса Вячеславича гордыня на суд привела,
и на Канины зелёную траву поклала
за обиду Олегову,
храброго и молодого князя.
С той же Канины
Святополк со скорбью забрал отца своего
между венгерскими иноходцами
в святую Софию, в Киеве.

Тогда, при Олеге Гориславиче,
сеялось и прорастало усобицами,
гибло добро Дажьбожьих внуков,
в княжьих крамолах года сокращая враждующим.
Тогда по Русской земле редко пахари пахали,
но часто вороны каркали,
делёж учиняя над трупами
и галки свой крик поднимали,
желая лететь на обжорство.

То было в те битвы и в те походы.
А такого сраженья не слышали!
С утра и до вечера, с вечера и до утра
летят стрелы калёные,
гремят сабли о шлемы,
трещат копыа булатные
в поле далеком, среди земли Половецкой.

Чёрная земля под копытами
костями, говорят, была засеяна,
а кровью полита.
Горем взошли они в Русской земле.

Что шумело, что звенело,
давеча, рано пред зорями?
Игорь полки заворачивал —
жаль ему милого брата Всеволода.
Бились день,
бились другой,
третьего дня, к полудню, упали стяги Игоревы.
Тут братья разлучились на берегу быстрой Каялы.
Тут кровавого вина не хватило,
тут пир закончили храбрые русичи,
сватов напоили, а сами полегли
за землю Русскую.
Никнет трава жалостью
и дерево с горем к земле приклонилось.

Уже, братья, невесёлая година настала,
уже силам Степи обидно стало.
Обида в силах Дажьбожьих внуков
вступила девою на землю Трояни,
заплескала лебедиными крыльями
на синем море у Дона,
и, плещучи, уменьшила достатка часы.

Усобица князей – от поганых погибель!
Говорит брат брату:
«Это моё и то моё же».
И стали князья про малое – «се великое!» молвить,
а сами на себя крамолу ковать.
А степняки со всех сторон приходят с победами
на землю Русскую.
О, далече залетел сокол,
птиц побивая —
до моря!
А Игорева храброго войска не воскресить!

Потом кличут карнаи: «Огня!»
И помчали по Русской земле,
жар в людей швыряючи,
в огненных рогах.
Жены русские заплакали, заголосили:
«Уже нам своих милых лад
ни в мыслях помыслить,
ни в думах подумать,
ни очами увидеть».

А золотом и серебром
и вовсе не позвенеть».

Застонал, братья, Киев туюю,
А Чернигов от напастей.
Тоска разлилась по Русской земле,
печаль густо течёт среди земли Русской.
А князья сами на себя крамолу куют,
а кочевники рыщут с победами по земле Русской,
и дань берут по «белой» от двора.

Те два храбрые Святославичи —
Игорь и Всеволод,
Уж вражду пробудили роздорами.
Ту, что унял, было, отец их Святослав
грозной, великой, киевской грозой!
Говорят, потрепал своими сильными полками
и смертоносными мечами,
наступил на землю Половецкую!
Притоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озёра,
иссушил потоки и болота,
а поганого Кобяка, из Лукоморья,
от железных великих полков половецких,
словно вихрь выхватил!
И свалился Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святослава.

Тут и немцы, и венеды,
тут и греки, и морава
поют славу Святославу,
укоряют Игоря,
утопившего богатство на дне Каялы,
реки половецкой,
русское золото рассыпавши.
Тут Игорь-князь, пересел из седла золотого
в седло кочевничье.
В городах над стенами уныние
и всюду поникло веселие.

А Святослав мутный сон видел в Киеве на горах.
«В ту ночь, с вечера, – говорит, —
покрывают «они» меня чёрным покрывалом
на кровати тисовой.
Черпают мне синее вино с отравой смешанное,
сыплют из пустых колчанов степных пастухов
крупный жемчуг на лоно.
И усыпляют меня.
Уж и доски без «кнеса» в тереме моем златоверхом.

В ту ночь, с вечера,
слетелись шумные вороны
и каркали у Плесньска на оболони,
оглашая дебри Кисани,
и шлеею тянулись до синего моря».

И сказали бояре князю:
«То, князь, горе ум помутило!
То два сокола слетели
с отчего золотого стола,
поискать города Тмуторокани.
(Хотелось напиться шлемом из Дона!)
Уже соколам крыльца подрезали
поганых саблями,
а самих опустили в пута железные.

Темно стало в третий день:
два солнца померкли,
оба багряные столпа погасли,
а с ними молодые месяцы,
Олег и Святослав, тьмою покрылись —
На реке Каяле тьма свет покрыла.
По Русской земле помчались половцы,
Как гепардово гнездо.
Потом они, в степях бескрайних скрылись,
как будто в море погрузились,
И великое буйство подали хинови!

Уж сменилась хула на хвалу,
обернулась неволя на волю.
Вот и диво спустилось на землю:
это готские красные девы
запевают у синего моря,
звенят русским золотом,
славят время Бусово,
жаждут мести за Шарукана.
И мы, дружина, жаждем веселия!»

Тогда великий Святослав
произнес золотое слово,
со слезами смешанное,
и сказал:
«О, дети мои,
Игорь и Всеволод!
Рано вы начали Половецкую землю мечами губить,
а себе славы искать.
Но без чести одолели,
без чести и кровь язычников пролили.
Ваши храбрые сердца

из стали булатной кованы,
а в буйстве закалены.
Что же вы сделали моей серебряной седине?

А уже не вижу властью сильного,
и богатого, с огромным войском,
брата моего Ярослава,
с черниговскими былями:
с могутами,
и с татранами,
и с шельбирами,
и с топчаками,
и с ревугами,
и с ольберами.
Те без щитов —
с засапожниками,
кликком полки побеждали,
звения прадедовой славою!
Но вы сказали: «Поборемся сами!
И старую славу сами похитим,
и новую сами поделим!»

А дивно ли, братья, старому помолодеть?
Когда сокол в силах бывает —
высоко птиц побивает,
не даст своего гнезда в обиду.
Беда в том, что князья мне не помощники.
В ничто години эти обратили.
Это в Риме кричат под саблями половецкими,
а Владимир израненный,
горе и печаль сыну Глебову!

Великий князь, Всеволод!
Не мысленно тебе
прилететь бы издалеча
отчего золотого стола побережь!
Ты можешь Волгу веслами расплескать,
а Дон шлемами вычерпать!
Если бы ты был,
была бы чага по ногате,
а пленники — по резане.
Ты можешь также и посуху
ударить живыми копьями —
удальными сынами Глебовыми!

Ты, буй Рюрик и Давыд!
Не ваши ли воины
золочеными шлемами в крови плавают?
Не ваша ли храбрая дружина

ревёт, как туры раненые,
саблями калёными
в поле далеком?
Вступите, господа,
в золотые стремяна,
за обиду сего времени,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл, Ярослав!
Высоко сидишь на своем златокованом троне!
Подпер горы угорские своими полками железными,
заступив королю его путь,
затворив ворота Дунаю,
временем ловко туда и обратно играешь,
суды судишь до Дуная.
Грозы твои по землям текут,
отворяешь ворота Киеву,
стреляешь с отчего золотого стола
к султанам за землями.
Стреляй, господин, Кончака,
кочевника некрещённого,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
храброго Святославича!

А ты, буй Роман и Мстислав!
Храбрая мысль носит вас! И ум свой – в дело!
Высоко ты на дело летаешь (Роман),
как сокол тот в воздухе носишься,
желая птицу в буйстве одолеть.
Есть у вас и «железные панцири» (воины),
Под шлемами латинскими.
От них дрогнула земля и многие страны:
Хинова, Литва, Ятвяги и Деремела.
И половцы копья свои побросали,
а головы свои поклоняли
под ваши мечи! Под булатные!
Но поздно, князь!
Игорю померкнул солнца свет
и дерево не от добра листву обронило.
По Роси и по Суле
города поделили,
а Игорева храброго войска не воскресить!

Дон тебя, князь, кличет
и зовет князей на победу!
Ольговичи, отважные князья,

созрели на брань!

Ингварь и Всеволод!,
и все три Мстиславича!
Прекрасного гнезда шестикрыльцы!
Иль вы не в битвах власть свою добываете?
Где ж ваши золотые шлемы
и копья польские, и щиты?
Загородите Полю ворота
своими острыми стрелами
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
храброго Святославича!

Уже и Сула не течёт серебряными струями
к городу Переяславию,
и Двина болотом льётся,
оним грозным Полочаном.
Все под кликами поганых.
Один Изяслав,
сын Васильков,
позвонил своими острыми мечами
о шлемы литовские,
приласкал славу деду своему Всеславу,
а сам под красными щитами,
на кровавой траве,
обласкан был литовскими мечами.
И на смертном одре, с женою прощаясь, сказал:
«Дружину твою, князь, птиц крылья прикроют,
а звери кровь оближут».

И не было тут брата, Брячислава,
и ни другого – Всеволода.
Один изронил жемчужную душу
из храброго тела через золотое ожерелье.
Уныли голоса, поникло веселие,
трубы трубят городенские.

Ярослав и все внуки Всеслава!
Опустите стяги свои!
Вложите мечи свои на битву поднятые,
уже выскочите из дедовой славы!
Вы же своими крамолами
стали поганых наваживать
на землю Русскую,
на добро Всеславлево.
С раздоров тех сталося насилие
от земли Половецкой!»

На седьмом веке Трояни
бросил Всеслав жребий о девице желанной:
подперся хитростями – на коней,
и прыгнул к граду Киеву.
Коснулся концом древка копейного
золотого престола киевского
и помчался от них лютым зверем,
в полночи из Белграда, окутавшись синей мглой.

Утром ударил таранами,
взломал ворота Новгороду,
разбивши славу Ярослава.
И прыгнул от них до Немиги с Дудуток.
На Немиге снопы стелют головами,
молотят цепами булатными,
на току жизнь кладут,
веют душу от тела.
Немиги кровавые берега
не благом, как молвят, засеяны —
засеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людей судил,
города князьям рядил,
а сам в ночи волком рыскал.
Из Киева дорыскивал до кур Тмуторокани,
великому Хорсу волком путь перебегал.
Ему в Полоцке позвонят, бывало, заутреню
рано у святой Софии в колокола,
а он в Киеве тот звон слышал.
Вещая душа была в его теле!
Но часто беды претерпевал он.
Ему вещий Боян правдивую припевочку
со смыслом сочинил:
«Ни хитрому, ни ловкому, ни птичке проворной
суда божьего не минуть».

О, стонать Русской земле,
вспоминая старое время и первых князей.
Того старого Владимира
нельзя было пригвоздить
к горам киевским.
А теперь разбогатели:
«И стали одни стяги Рюриковы,
а другие Давыдовы».
«Но порознь им хоботы пашут...» —
поют копыеносцы про них.

На Дунае Ярославны голос слышится,
как далекая кукушка рано кличет.

«Полечу, – поёт, – кукушкой по Дунаю,
омочу шелков рукав я в Каяле-реке,
утру князю кровавые его раны
на могучем его теле».

Ярославна рано утром
плачет в городе Путивле,
на стене высокой стоя, говорит:
«О, ветер, ветрило!
Ты зачем, господин, сильно веешь?
Ты зачем мчишь хиновские стрелы,
на своих невесомых крыльях,
на воинов моего мужа?
Мало ли, тебе говорю,
вверху, под облаками веять?
Качая корабли на синем море!
Так зачем же, господин мой,
ты веселие мое
разметал по ковылю?»

Ярославна рано утром
плачет в городе Путивле,
на стене высокой стоя, говорит:
«О Днепр Славутич!
Ты пробился сквозь пороги,
через землю Половецкую.
Ты лелеял на себе Святославовы челны,
аж до войска Кобякова.
Так верни же, господин мой,
мужа моего ко мне,
чтобы я к нему не слала
слёз на море рано».

Ярославна рано плачет
во Путивле, на стене,
приговаривая:
«Светлое и пресветлое солнце!
Всем тепло и красно от тебя!
Так зачем ты, господин мой,
распростер свои лучи
на мужа воинов, в поле безводном,
жаждою им луки стянув,
тугою им колчаны заткнув?»

Плещется море в полуночи,
Волны идут в тумане —
Игорю-князю бог путь указывает
из земли Половецкой,
в землю Русскую,

к отчему золотому столу.

Погасли вечером зори.
Игорь спит,
да не спит,
Игорь мысленно поля замеряет
от великого Дона,
до малого Донца.
Коней в полуночи Овлур свистнул за рекой,
тем свистом велит князю разуть:
«Что князю Игорю пора бежать!»

Застучала земля,
зашумела трава,
зашатались шатры половецкие!
А Игорь-князь метнулся горностаем к тростнику
и выплыл белым гоголем на воду!
Бросился на борзого коня,
соскочил с него он буйным волком,
и помчался к Лугу Донца,
и полетел он соколом в тумане,
сбивая гусей и лебедей,
к завтраку, обеду и на ужин.

Когда Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
труся собой студёную росу.
Надорвали они своих быстрых коней.

Говорит Донец:
«Князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку нелюбия,
а Русской земле веселия!»

Отвечает Игорь:
«Донче!
Немало и тебе величия,
Качавшему князя на волнах,
стлавшему ему зелёную траву
на своих серебряных берегах,
одевавшему его тёплым туманом
под сенью зелёных деревьев,
Стережа его гоголем на воде,
чайками на струях,
чернядьми на ветрах».

«Не такая, скажу тебе, речка Стугна,
ничтожный поток имеет,

но как пожрёт чужие ручьи и потоки (от ливней),
да как расширится к устью...
Юного князя Ростислава утопила на дне,
при тёмном берегу...
Плачет мать Ростислава
по юному князю Ростиславу.
Никнут цветы от жалости
и дерево с горем к земле наклонилось».

То не сороки застрекотали —
по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не кричат,
галицы молчат,
сороки не стрекочут,
змеи только лишь шуршат.
Дятлы стуком к реке путь указывают.
Соловьи веселыми песнями рассвет предвещают.

Молвит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит,
соколича расстреляем своими золочёными стрелами».
Отвечает Кончак хану Гзе:
«Если сокол к гнезду летит,
мы сокольца опутаем красною девицей».
И сказал тогда Гзак Кончаку:
«Коль опутаем красною девицей,
то не будет нам ни сокольца,
не будет и красной девицы.
И начнут нас птицы клевать
в поле Половецком».

Пел Боян и про: «Иду на вы!», —
Про Святослава.
Песнотворец дней старинных Ярослава.
Пел он это же и для жены Олега-князя:
«Тяжко тебе голова без плеч,
худо и телу без головы.»

Русской земле без Игоря.

«Солнце светит на небе,
Игорь-князь в Русской земле» —
девицы поют на Дунае,
вьются голоса через море до Киева.
Игорь едет по Боричеву
к святой богородице Пирогощей.
Страны рады, грады веселы.

Пели песни старым князьям,

а теперь молодым споём:
«Слава Игорю Святославичу!
Буй-туру Всеволоду!
Владимиру Игоревичу!»
Здравье князьям и дружине!
Тем, кто шел за христианство
на поганые полки!
Князьям слава и дружине!
Аминь!

Слово о полку Игореве (Древний текст)

Нелѣпо ли ны бѣшетъ, братіе,
начѣти старѣми словесы
трудныхъ повѣстий о пълку Игореве?
Игоря Святѣславлича!
Начѣти же ся тѣмъ пѣсни
по былинамъ сегѣ времени,
а не по замышлению Бояню!
Боянъ бо вещій,
ѣще кому хотѣше пѣснь творити,
то растекѣшется мыслию по древу,
сѣрымъ вѣлкомъ по землѣ,
шизымъ орломъ подѣ облакы.

Помняшетъ, бѣречь, пѣрвыхъ времѣнь усѣбице?
Тогда пушѣшетъ 10 соколовъ на стадо лебедей!
Которыи дотечѣше,
та прѣди пѣснь поѣше:
старѣму Ярославу,
храброму Мстиславу,
ѣже зарѣза Редѣдю предѣ пълкы касѣбжскими,
красному Ромѣнови Святѣславличу.

Боянъ же, братіе,
не 10 соковъ на стадо лебедей пушѣше,
нѣ своя вѣща прѣсты
на живая струны вѣскладѣше;
онѣ же самѣ княземъ славу рѣтаху.

Почнѣмъ же, брѣтие, пѣвѣсть сию
отъ старѣго Владимира до нынѣшняго Игоря,
иже истягну умъ крѣпостию своєю
и поостри сердца своего мужествомъ;
наплѣнився рѣтнаго духа,
наведѣ своя храбрѣя плѣкы
на землю Половѣцкую
за землю Рускую.

О Бояне, соловію старѣго времени!
Абы ты сѣя плѣкы ущекотѣль,
скача, славию, по мыслену древу,
летѣя умѣмъ подѣ облакы.
Свивая славы обѣполы сегѣ времени!
Рѣща въ тропѣ Трояню чрѣсь поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игоревѣ —
того внуку:
«Не буря соколы занесѣ чрѣзь поля ширѣкая —
Галицы стады бежать къ Дону великому...»
Чи ли въспѣти было, вещи Бояне,
Велесовѣ внуче:
«Комѣни ржуть за Сулою —
звенѣть слава въ Кыевѣ...?»

Трубы трубѣть въ Новѣградѣ,
стоять стязѣ въ Путивлѣ —
Игорь жде тѣ мила брата Всеволода.
И речѣ ему буй турѣ Всеволодѣ:
«Одинѣ братѣ, одинѣ свѣтъ светлый – ты, Игорю!
Обѣ есвѣ Святѣславличѣ!
Седлай, братѣ, свой брѣзыи комѣни,
а мой тѣ гѣтѣви,
осѣдлани у Курьска напередѣ.

А мой тѣ куряни свѣдѣми кѣмети:
подѣ трубами пѣвити,
подѣ шеломы възлелѣяни,
конецъ копѣя въскрѣмлени,
пути имѣ вѣдоми,
ярѣгы имѣ знаѣми,
луци у нѣхъ напрѣжени,
тѣули отвѣрени,
сабли изьѣстрени.
Самѣ скачѣють, акы сѣрыи влѣци въ поле,
ищѣчи себѣ чти, а князю славе».

Тогда Игорь възрѣ на светлое солнце
и виде отъ него тѣмою вся своя воя прикрыты.

И рече Игорьъ къ дружинѣ своѣи:
«Братіе и дружино!
Луце жь бы потяту быти,
неже полонену быти.
А всядемъ, братіе, на свои бръзья комѡни,
да позрѣмъ сінего Дону».

Спаль князю умъ похоти,
и жалость ему знамение заступі,
искусити Дону великаго.
«Хощу, борече, – копие приломити
конецъ поля Половецкаго!
Съ вами, русици,
хощу главу свою приложити,
а любо испити шеломомъ Дону».

Тогда вступі Игорьъ князь въ златъ стрѣмень
и поѣха по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступаше;
ночь стѡнущи ему грозою птицъ убуди;
свистъ зверинъ вѣста зби —
дивъ кличетъ врѣху древа,
велитъ послушати земли незнаеме:
Влѣзе,
и Помѡрию,
и Посулию,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебѣ, Тмутороканьскій блѣванъ!

А половци не готовами дорогами
побегоша къ Дону великому,
крычатъ телеги полунощы,
рци лебеди роспущени.
Игоръ къ Дону вои ведетъ!

Уже бо беды его пасетъ птицъ по добыю;
влѣци грозу всрѡжатъ по яругамъ;
орли клѣкотомъ на кости звери зовутъ;
лисици брѣшутъ на чрлѣныя щиты.
О Руская земле, уже за шеломянемъ еси!

Длѣго ночь мрѣкнетъ.
Заря свѣтъ запала.
Мыгла поля покрыла.
Щѣкотъ славиі успе.
Гѡворъ галичь убуди.
Русичи великая поля чрлѣными щиты прегородиша,
ищучи себе чті, а князю – славы.

Съ заранія въ пяткъ
потоптáша погáныя плъкы́ половѣцкыя,
и рассу́шаясь стрѣлами по полю,
помчáша красныя девкы половѣцкыя,
а съ нѣми зláто,
и пáволоки,
и драгýя оксамиты.
Орьт́мами,
и япончицами,
и кожухы́
начаша мосты́ мостити по болóтомъ
и грязивымъ местóмъ,
и всякыми узóрочыи половѣцкыми.
Чрѣлень стягъ,
бела хорю́говъ,
чрѣлена чóлка,
срѣбрено стру́жие —
храброму Святъслáвличю!

Дрѣмлетъ въ полѣ Ольгово хорóброе гнездó.
Далече залетело!
Нѣ было онó обиде порождено,
ни соколу,
ни кречету,
ни тебѣ, чрѣный вóронъ,
погáный половчине!
Гзакъ бежитъ сѣрымъ влькомъ,
Кончáкъ, ему́ слѣдъ, править къ Дóну вели́кому.

Другáго дни вѣлми рáно
кравáвыя зóри свѣтъ поведáютъ:
чрѣныя тучя съ мóря идуть,
хотятъ прикрýти 4 сóлнца,
а въ нѣхъ трепѣщутъ синии мльнии.
Быти грóму вели́кому!
Итти дождю́ стрѣлами съ Дóну вели́каго!
Ту ся копиёмъ приламáти,
ту ся сáблямъ потручя́ти
о шеломы половѣцкыя,
на рецѣ на Каяле,
у Дону вели́каго!
О Рýская земле, ужé не шеломянемъ еси!

Се ветри, Стрибóжи внúци, вѣютъ съ моря стрелáми
на хра́брыя плъкы Игоревы.
земля́ тутнетъ,
рѣкы мутно текуть.
Пóроси поля́ прикрывáютъ.

Стязи глаголють:
пóловци идуть отъ Дóна, и отъ мóря,
и óтъ всéхъ стрáнъ рúскыя плъкы́ оступи́ша.
Дети бéсови кли́комъ поля прегороди́ша,
а хра́брии рúсици прегради́ша чрьлэ́ными щиты́.

Ярь туре Всеволоде!
Стоиши на борóни,
пры́щещи на вои стрелами,
грéмлеши о шеломы мечи́ харалужными!
Ка́мо, ту́рь, поскачя́ше,
свои́мъ златы́мъ шелóмомъ посвэ́чивая,
тамо лежа́тъ пога́ныя го́ловы половéцкыя.
Поскэ́паны саблями калеными шеломы ова́рьскыя,
óтъ тебе ярь ту́ре Всеволоде!
Ка́я раны, дорогá бра́тие?
Забывъ чтí и животá,
и града Чрьни́гова óтня злáта столá!
И своя милья хоти́, кра́сныя Глебовны
свычая и обычая.

Были вéчи Троя́ни,
минула лета Ярославля;
были плы́ци Олговы,
Ольга Святъсла́вличя.
Ты́и бо Олэгъ мечéмъ крамóлу кова́ше
и стрелы по землэ́ сэяше.
Ступаéтъ въ злáтъ стрéмень въ граде Тьмуторока́не,
то́и же звóнь слы́ша да́вный великый
Ярославъ – сынъ Всеволо́жь,
а Влади́миръ по вся ўтра уши закладáше въ Черни́гове.

Бори́са же Вячесла́влича слава на сýдь приведе́
и на Ка́нину зелéну паполóму пóстла
за оби́ду Олгову,
храбра и млада князя.
Съ то́я же Ка́нины Святоплéкъ повелé я́ти отца́ своего́
ме́жду угóрьскыми инохóдыцы
ко святе́й Софии, къ Киеву.

Тогда́, при Олзе Горисла́вличи,
сэяшется и растя́шетъ усóбицами,
погиба́шетъ жизнь Даждьбóжа внука;
въ княжихъ крамолахъ вещи человекомъ скрати́шась.
Тогда по Руской земли ретко рата́еве кика́хуть,
нъ часто врани́ грая́хуть,
тру́пия себе дэляче,
а га́лици свою речь говоря́хуть,
хотя́ть полетети на уéдие.

То было въ ты рати и въ ты плъкы,
а сицѣй рати не слышано!
Съ зараніа до вечера,
съ вечера до света
летяць стрелы каленья,
grimлють сабли о шеломы,
трещать копиа харалужныя
въ поле незнаеме,
среди земли Половецкыи.
Чръна земля подь копыты костью была посеяна,
а кровию поляна:
тугою въздѣша по Руской земли.

Чтѣ ми шумить, что ми звенить
давеча рано предь зѣрями?
Игорь плъкы заворочаеть:
жалъ бо ему мила брата Всеволода.

Бѣшася день,
бѣшася другыи;
третьяго дни къ полуднию падѣша стязи Игоревы.
Тѣ ся брата разлучиша на брѣзе быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не дѣста;
ту пѣрь докончаша хрѣбрии русичи:
сваты попойша, а самѣ полегѣша
за землю Рускую.
Ничить травѣ жалощами,
а древо с тугою къ землѣ преклонилось.

Ужѣ бо, братие, невеселая година вѣстала,
ужѣ пустыни сили прикро вѣстала.
Обѣда въ силахъ Дажьбѣжа внука
вступила дѣвою на землю Трояню,
въсплескала лебедиными крылы
на синемъ морѣ у Дѣну,
плѣшучи, убѣди жирня временѣ.
Усѣбица княземъ на поганья погыбе,
рекѣста бо братъ брату:
«Се мое, а то мое же».
И начѣша князи про малое – «се великое» – млѣвити,
а самѣ на себѣ крамолу кѣвати.
А погани съ всѣхъ странъ приходжаху съ победами
на землю Рускую.
О, далече, заиде соколь,
птиць бѣя, – къ морю!
А Игорева храброго плѣку
не кресити.

За нѣмъ кликну карнаи: «Жля!»,
Поскѣчи по Руской земли,
смагу мычючи въ пламяне розе.
Жены руския въсплакашась, аркучи:
«Ужѣ намъ своихъ милыхъ ладъ
ни мыслию смѣслити,
ни думою сдумати,
ни очима съглядати,
а злата и сребра ни мало того потрепати».

А вѣстона бо, братие, Киевъ туюго,
а Черниговъ напастми.
Тоска разлися по Руской земли;
печаль жирна течѣ средь земли Руския.
А князи самѣ на себе крамолу коваху,
а погани самѣ победами нарищуце на Рускую землю,
емляху дань по беле отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича – Игорь и Всеволод
уже лжу убуди, которую, то баше,
успиль отецъ ихъ, Святъславъ,
грозный великий киевский грозою.
Бяшетъ, притрепеталь своими сильными плъкы
и харалужными мечи,
наступѣ на землю Половецкую,
притопта хльми и яругы,
взмутѣ рѣкы и озѣры,
иссуши потѣкы и болота.
а поганаго Кобяка изъ луку моря,
отъ желѣзныхъ великихъ плѣкѣвъ половецкихъ,
яко вѣхрь, выторже.
И падѣся Кобякъ въ граде Киеве,
въ гриднице Святъславли.

Ту нѣмци и венѣдици,
ту грѣци и морава
поють славу Святъславлю,
кають князя Игоря,
ѣже погрузи жиръ во днѣ Каялы – рѣкы половецкыя,
рускаго злата насыпаша.

Ту Игорь князь выседе изъ седла злата,
а въ седло кощѣево.
Уныша бо градомъ забралы,
а весѣлие пониче.

А Святъславъ мутень сонъ виде въ Киеве на горахъ.
«Си ночь съ вечера одевахъ те мя, – речѣ, —
чръною паполѣмою на кроваты тисове;

чръпахуть ми сїнее вино, съ трудомъ смешено;
сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ
великий жєнчюгъ на лоно и негують мя.
Ужє дѣски безъ кнєса в моемъ тереме златоврѣсемъ.
Всю ночь съ вечера босови врани възграяху
у Плєсньска, на болони, бєша дѣбрь Кисаню,
и нєсо шлю къ сїнему морю».

И ркоша бояре князю:
«Ужє, княже, туга умъ полонила;
се бо два сокола слетєста
съ отня столá златá
поискáти града Тьмутороканя.
А любо испити шелбмомъ Дбну.
Ужє соколома крильца припєшали
поганыхъ саблями,
а самаю опустоша въ путины желєзны.

Темно бо бе въ 3 дєнь:
двá солнца померкоста,
оба багряная стлѣпá погасоста,
и съ нїма молодáя месяца —
Олєгъ и Святьслáвъ
тьмбю сá поволокоста —
На рєце, на Каяле, тьма светъ покрыла.

По Руской земли прострошася половци,
акы пардуже гнездо,
и въ «море погрузиста».
И великое буйство подáста хинбви.

Ужє снесєся хулá на хвалу,
уже трєсну нуждá на волю,
ужє врѣжєса дївь на землю:
се бо готскыя красныя дєвы
вѣспєша нá брезе сїнему морю,
звоня рúскимъ златомъ,
поубъ время Бусово,
лелєютъ мєсть Шарокáню.
А мы уже, дружина, жáдни весєлия!»

Тогда великий Святьслáвъ
изронї злато слово
с слєзáми смєшено,
и речє:
«О моя сынбвчя, Игорю и Всеволоде!
Рáно єста началá Половецкую землю мечї цвелїти,
а себє славы искáти.
Нь нечестно одолєсте,

нечестно, бо кровь поганую пролиясте.
Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузе скована,
а въ бѹести закалена.
Се ли створиште моеи сребренеи сединѣ?

А ужѣ не вижду власти сильнаго,
и богатаго, и многовоѣ
брата моего Ярослава съ черниговскими былями:
съ могуты,
и съ татраны,
и съ шельбиры,
и съ топчакы,
и съ ревугы,
и съ ольберы.

Тии бо бесщитовъ – съ засапожники,
кликомъ плъкы побеждають,
звонячи въ прадедную славу!
Нъ рекосте: «Мужаимеся сами,
преднюю славу сами похитимъ,
а заднюю ся сами поделимъ!»

А чи диво ся, братие, стару помолодити?
Коли соколъ въ мытехъ бываеть,
высоко птиць взбиваеть;
не дастъ гнезда своего въ обиду.
Нъ се зло – княже ми непособие.
Наниче ся години обратиша.
Се у Римъ кричатъ подь саблями половецкыми,
а Володимиръ подь ранами.
Туѣга и тоска сыну Глебову!

Великий княже Всеволоде!
Не мыслию ти прелетѣти издалеча
отня злата стола поблюсти?
Ты бо можеша Волгу веслы раскропити,
а Донъ шеломы выльяти!
Аже бы ты былъ,
то была бы чага по ногате,
а кощей по резане.
Ты бо можеша посуху
живыми шерешы стреляти —
удалыми сыны Глебовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде!
Не ваю ли бои
злачеными шеломы по крови плаваша?
Не ваю ли храбрая дружина
рыкають, аky туры, ранены

саблями калеными на поле незнаёме?
Вступита, господина, въ злата стремя
за обиду сегб времени,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буге Святъславлича!

Галички Осмомысл, Ярославе!
Высоко седиши на своемъ златокóваннемъ стóле,
подперъ горы Угорскыи своими железными плъки,
заступивъ королеви путь,
затворивъ Дунаю ворота,
мечá времени чрѣзь облакы,
суды рядя до Дуная.

Грозы твоя по землямъ текуть,
отворяеши Киеву врата,
стреляеши съ óтня злата стола
салтáни за землями.
Стреляй, господине, Кончакá,
поганого кощея,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буге Святъславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе!
Храбрая мысль носить васъ! Умъ – на дело!
Высоко плаваеши на дело въ бугести,
яко соколь на ветрехъ ширяся,
хотя птицю въ буйстве одóлети!
Суть бо у ваю желѣзныи папорзи
подъ шеломы латиньскими.
Тѣми тресну земля и многы страны —
Хинóва, Литва, Ятвязи, Деремéла,
и пóловци сýлицы своя повръгóша,
а главы своя поклонíша
подъ тѣи мечи харалужныи.

Нъ ужé, княже,
Игорю утрѣпе солнцю свѣтъ,
а древо не бологомъ листвие сронí:
по Рси и по Сýли гради поделиша.
А Игорева храбраго плъку не крѣсити!
Дбнь ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на победу.
Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань.

Ингварь и Всеволодъ,
и вси три Мстиславичи,
не худа гнезда шестокрилци!

Непобѣдными жребии собѣ власти расхѣтите?
Кѣе ваши златѣи шеломы
и сѹлицы лѣцкыи, и щѣты?
Загородѣте Полю ворота
своими острыми стрелами,
за землю Рѹскую,
за рѣны Игоревы,
бѹего Святѣславлича!

Ужѣ бѣ Сула не течѣтъ срѣбренными струями
къ граду Переяславлю,
и Двина болѣтомъ течѣтъ – бѣнымъ грѣзнымъ Полочаномъ
пѣдъ кликомъ поганыхъ.
Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
позвонѣи своими острыми мечѣи о шеломы литѣвскыя,
притрепѣ славу дѣду своему Всеславу,
а самъ пѣдъ чрѣлеными щѣты,
на кроваве грѣве,
притрепанъ литѣвскыи мечѣи.

И с хотѣи ю на крова, тѣ и рекъ:
«Дружинѹ твою, княже, пѣтиць крѣлы приодѣ,
а звери кровь полизѣша».
Не бысть ту брѣта Брячеслава,
ни другѣго – Всеволода.
Единъ же изронѣи жемчѣбжну душу изъ храбра тела
чрѣсъ златѣ ожерѣлие.
Унѣли голосѣи, понѣче весѣлие,
трѹбы трѹбѣтъ городѣньскыи!

Ярославе и вси внѹце Всеславлѣи!
Ужѣ понизите стѣзи свой,
вонзѣте свой мечѣи верѣжени.
Ужѣ бѣ выскочисте изъ дѣдней славе.
Вы бѣ своими крамолами
начѣисте навѣдѣти поганыя
на землю Рѹскую,
на жизнь Всеславлѣи.
Которѣю бѣ бѣше насѣлие
отъ земли Половѣцкыи!»

На седьмомъ вѣце Трѣяни
врѣже Всеславъ жребѣи о дѣвицю себе лѣбѹ.
Тѣи клюками подпрѣся о конѣи
и скѣчи къ граду Кѣевѹ,
и дотчѣся стрѹжиемъ златѣ столѣ кѣевскаго.
Скѣчи отъ нѣхъ лѣбѣтымъ звѣремъ
въ плѣночи изъ Бѣлаграда
обѣсѣися сѣне мѣглѣ.

Утръ же вазнї стрікусы,
отвори врата Новуграду,
разшибе славу Ярославу,
скочи влѣкомъ до Немїги съ Дудуток.

На Немїзе снопы стѣлють головѣми,
молотятъ чепї харалужными,
на тѣце живѣтъ кладутъ,
вѣютъ душу отъ тела.
Немїзе кровѣви брѣзе
не бологомъ бяхуть посѣяни —
посѣяни костьми рускихъ сынѣвъ.

Всеславъ князь людемъ судяше,
княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше.
Из Кїева дорискаше до курь Тмутороканя,
великому Хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше.
Тому въ Полотьске позвонїша заутреню рано
у Святыя Софѣи въ колоколы,
а онъ въ Кїеве звѣнъ слыша.
А ще и вещь душѣ въ дрѣзе теле,
нѣ часто беды страдаше.
Тому вещей Боянъ и прѣвое припевку,
смисленный рече:
«Ни хытру, ни горѣзду,
ни птицю горѣзду
суда бѣжиа не минути».

О, стонати Руской земли,
помянувшѣ прѣвую годїну и прѣвыхъ князей!
Того стараго Владїмира
нелзе бе пригвоздїти къ гѣрамъ кїевскимъ.
Се гобо ныне стѣша:
стѣзи Рюриковы, а друзїи Давидовы.
«Нѣ розно ся имъ хоботы пашуть,» —
кѣпиа поють.

На Дунае Ярославнынъ глась ся слышитъ,
зегзицею незнаема рано кычетъ:
«Полечю, – рече, – зегзицею по Дунаѣви,
омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ реце,
утру князю кровѣвыя его раны
на жестѣцемъ его теле».

Ярославна рано плачетъ
въ Путивле на забрале, аркучї:
«О, вѣтре-ветрїло!
Чему, господїне, насильно вѣеши?»

Чему́ мы́чеши хинóвьскыя стрéлки,
на своéю нетрудно́ю крѣпцю,
на моя лады вой?
Мало ли ти́ бѣшетъ горе подъ облакы вѣяти,
лелѣючи кораблѣи на синѣ морѣ?
Чему́, господѣне, мое весѣлие
по ковы́лию развѣя?»

Ярославна рáно пла́четъ
Путивлю гóроду на заборóле, аркучи:
«О Днѣпре Слово́утицю!
Ты пробѣль еси́ ка́менныя горы
сквозе землю Половецкую.
Ты лелѣяль еси́ на себѣ Святосла́вли носáды
до плѣку Кобяко́ва.
Възлелей, господѣне, мою́ ладу къ мнѣ,
а бы́хъ не слала къ нему́ слѣзъ
на морѣ рáно.»

Ярославна рано пла́четъ
Въ Путивле на забрале, аркучи:
«Светлое и тресвѣтлое слѣнце!
всѣмъ тепло́ и красно́ еси́.
Чему́, господѣне, простре́ горячую свою́ лучю
на ладе вой,
въ поле безвóдне,
жа́ждею имъ лучи съпряже,
тугою имъ тули затчѣ?»

Прысну морѣ полу́нощи,
иду́тъ сморци́ мыгла́ми.
Игореву князю́ бóгъ путь ка́жетъ
изъ земли́ Половецкой
на землю́ Рýскую,
къ óтню злáту столу.

Погасóша вечеру зори.
Игорь спѣтъ,
Игорь бдѣтъ,
Игорь мыслию поля́ мерѣтъ
отъ вели́каго Дóну
до мáлаго Донца́.
Комóнь въ полу́нощи Овлу́рь свисну за рекою,
велѣтъ князю́ разумети.
Князю́ Игорю не бы́ть!

Кликну́, стукну́ земля́,
въшумѣ трава́,
вежи́ ся́ половѣцкии́ подви́зашася́.

А Игорь князь поскóчи горностаёмъ къ трóстию —
и бѣлымъ гóголемъ на воду.
Въврѣжеса на брѣзь комóнь
и скóчи съ него босымъ влѣкомъ.
И потечѣ къ Лугу Донца,
и полетѣ соколомъ подь мьглáми,
избивая гуси и лебеди
зáвтраку, и обеду, и ўжине.
Коли Игорь соколомъ полетѣ,
Тогда Влурь влѣкомъ потечѣ,
труся собою студеную росу:
претръгóста бо своя брѣзая комóня.

Донець речѣ:
«Княже Игорю!
Не máло тѣ величия,
а Кончаку нелюбиа,
а Руской земли веселиа».
Игорь речѣ:
«О Дóнче!
немало ти величия,
лелѣявшу князя на вльнáхъ,
стлáвшу ему зелену траву
на своихъ сребренныхъ брезѣхъ,
одевавшу его теплыми мьглáми
подь сѣнию зелену древу;
стрежáше его гóголемъ на водѣ,
чайцами на струяхъ,
чрѣндьми на ветрехъ».

«Не тако ти, – речѣ, – река Стúгна:
худу струю имея,
пожрѣши чужий ручьи и стругы,
рострѣна къ устью,
уношу князю Ростиславу затвори дне,
при темне березе».
Плачется máти Ростислáвля
по уноши князи Ростиславе,
унышá цветы жалою,
и древо с тугою къ земли преклонилось.

А не сорбки втроскотáша —
на следу Игореве ѣздить Гзакъ съ Кончакóмъ.
Тогда врáни не граáхуть,
гáлици помлѣкóша,
сóроки не троскотáша,
полóзие ползаша тóлко.
Дятлове тѣктомъ путь къ рецѣ кáжутъ,
соловiiи веселыми пѣсньми свѣтъ поведáютъ.

Млѣвить Гзакъ Кончакѣви:

«Аже соколъ къ гнездѹ летѣтъ,
соколѣча ростреляево своими злачѣными стрелами».

Речѣ Кончакъ ко Гзѣ:

«Аже соколъ къ гнездѹ летѣтъ,
а ве соколца опутаево красною дѣвицею».

Речѣ Гзакъ къ Кончакѣви:

«Аще егѣ опутаево красною дѣвицею,
ни на́ма бѹдетъ соколыца,
ни на́ма красны дѣвице,
то почнѹтъ на́ю птѣици бѣти
въ поле Половѣцкомъ.»

Рѣкъ Боянь и «хѣды на» – Святъслѣвля,
песнотворца стараго врѣмени Ярославля,

Ольгова коганя хотѣ:

«Тяжко тѣ головѣ кроме плечѹ,
злѣ ти тѣлу кроме головѣ».

Руской земли безъ Игоря.

«Солнце светится на небесѣ,

Игорь князь въ Руской земли», —

дѣвици поѹтъ на Дунаѣ,

вьются голосѣ чрезъ море до Кѣева.

Игорь едетъ по Боричеву

къ святей богорѣдѣи Пирогощей.

Страни ради, гради весели.

Пѣвше песнь старымъ княземъ,

а потѣмъ молодымъ пѣти:

«Слава Игорю Святъслѣвличю,

буи туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу!»

Здрави князи ѣ дружина,

побаряя за христѣянына поганя плѣки!

Княземъ слава а дружине!

Аминь!

Пояснения и комментарии

Пояснения и комментарии к «Слову о полку Игореве» складываются из общеизвестных пояснений и комментариев, выполненных другими исследователями, и тех, что сделаны автором данного перевода. Общеизвестные комментарии являются результатом научно-исследовательской работы многих ученых.

При работе над переводом были использованы многочисленные публикации В. П. Адриановой-Перетц [1], Д.С.Лихачева [7, 8, 9], Л. А. Дмитриева [4, 5], А.Б.Рыбакова [15, 16], А.Н.Робинсона [13, 14], Н.А.Баскакова [2], Л.Е.Махновца [10], А. Л. Никитина [11], С. А. Плетневой [12] и др. Однако, не всё, что было выполнено этими и другими исследователями, удовлетворило автора этого перевода. В тексте «Слова» до сих пор много тёмных мест, которые, требуют дальнейшего разъяснения.

Примечания и комментарии, выполненные автором этого перевода, даются с пометкой «Пояснения и комментарии А.Ф.» или просто «А.Ф.». Если есть необходимость дополнительного пояснения к некоторым общеизвестным комментариям, то и они выполняются с такою же пометкой. Текст «Слова» приводится в соответствии с первым изданием 1800 года, за исключением лишь явных ошибок.

Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудных повестий о полку Игореве? Вступительная часть «Слова о полку Игореве» до сих пор остается не совсем понятной. На сегодня, этот фрагмент переводится и трактуется так: «Не лучше ли былину, братья, начать нам старыми словами трудных повестей о полку Игоревом?» Это не выдержка и не цитата из какого-то конкретного перевода, а обобщенно-смысловый пересказ того, как понимается эта часть «Слова о полку Игореве» практически всеми современными исследователями и переводчиками. Даже те немногие, кто свои переводы сопровождали подробными пояснительными статьями, в которых утверждали, что Автор «Слова» протестовал против применения «старых словес», тем не менее, свои переводы они все равно строят в вопросительной форме.

А какое утверждение может быть в вопросительной форме? Какой протест против старых словес может быть в обращении «Не краше ли...?», «Не любо ли...?», «Не пристало ли...?». Если это протест, то и должно быть, хотя бы – «не пристало!» (То есть –утверждение! И без всяких «ли»). А то получается так, декларируется одно, а перевод строится совершенно по иному. Да и слово – «не лепо», при этом, пишется раздельно. Тогда как (если это протест) нужно писать слитно – «нелепо...» (Что значит – «нехорошо...», а скорее всего, вообще – «плохо...».)

Автор «Слова» в этом месте хотел сказать о том, что именно: «Плохо (нелепо), братья, начинать старинными словами трудных повестей, песню о походе Игоревом.» Потому, что современную песню, повесть или сказание нужно слагать именно современным языком, а не «старыми словесы». И утверждать это нужно жестко, без вопросительного размазывания.

И это очень характерно, что в самом начале своей повести о Игоревом походе, Автор «Слова» с вполне естественным и неприкрытым сарказмом заявляет, что нелепо слагать современную повесть «старыми словесы». Он тут же дает понять, что писать нужно – «только по былинам сего времени!» (А не по выдумкам Бояновым!) Дело в том, что в старину, все люди и общество в целом, при обсуждении всех своих жизненных ситуаций, были ориентированы более в свое прошлое, чем в современность. Прошлым проверялось все. В прошлом искали ответы на современные вопросы. Законы прошлого были истиной в последней инстанции.

«Старыми словесы» в то время писали все, кто хоть что-нибудь сочинял. Это было нормой. Так поступали все и вещей Боян в том числе. Автор «Слова» сделал большой шаг вперед, нарушив эту традицию. Он твердо отстаивает свое право поступать именно так и напрочь

отбрасывает творческий метод вешего Бояна, а кое-где и вообще открыто иронизирует над ним. Например, в эпизоде со «свиванием славы обаполы».

Кстати, этот фрагмент «Слова» тоже до сих пор остается непонятным, потому, что все понимают его как «прославление гениальности вешего Бояна». А на самом деле тут веселое подтрунивание (если не сказать жестче – издевочка) Автора «Слова» над вещим Бояном (где Боян берется просто не за свое дело). А именно, он «свивает славы обаполы сего времени» (чего человек вообще делать не может, ибо это фальсификация).

Про «свивание славы обаполы...» смотрите в соответствующей статье, а тут несколько слов про то, что Боян проделывал со своими «славами», которые он сам же сочинял в угоду князьям. Сочинял он их «старыми словесы» и делал это очень хорошо и даже талантливо. Именно для этого он «растекался мыслью по дереву», летал сизым соколом под облаками и серым волком рыскал тропюю Трояновой. Однако с истиной было не все благополучно потому, что, несмотря на то, что все было сделано хорошо, талантливо (под старину) и даже «старыми словесы», всё равно, все эти славы оставались «задними» по своей сути, со всеми вытекающими отсюда пороками.

Лесть и фальш (если только они были там) оставались там до тех, пор пока их не приберет оттуда время. И это понимали все. Вот почему, Автор «Слова о походе Игоревом» решительно отмежевался от всего этого и решил сочинять свое произведение современным языком и по «былинам своего времени». И именно поэтому смысл начальной части «Слова» должен быть именно таким: «Это нелепо будет, братья, если начнем старинными словами трудных повестей песню о походе Игоревом!» (Пояснения А. Ф.)

Возможное разделение на слова начальной части «Слова о полку Игореве». В этой статье, в качестве гипотезы, на обсуждение научной общественности выносятся принципиально новое толкование начальной части «Слова о полку Игореве». Разделение на слова здесь выполняется так: «Нелепо лины бяшетъ, братие, начяти старыми словесы...». Форма повествования при этом сразу утвердительная (а вовсе не вопросительная) и раздельно ранее писавшиеся слова «ли ны» здесь объединяются в одно слово «лины». «Слово о полку Игореве» писалось в южно-русской среде и слово «лины» нужно читать не «лины», а «лыны». В пояснительной статье «Язык Слова о полку Игореве и его южно-русские корни» приведено достаточно полное доказательство того, что «украины» – удельные княжества, ко времени написания «Слова о полку Игореве», уже существовали. Они существовали с момента создания славянского государства Русская Земля (то, что обычно называют Киевской Русью). Эти «украины» были чем-то вроде аналога современным территориальным подразделениям. И южно-руссy – жители этих «украин», имели свой южно-русский диалект общерусского языка, на котором и было написано «Слово о полку Игореве». И слово «лины» нужно читать и произносить именно, как «лыны». Потому что в современном украинском языке сохранились следы этого слова. Например, слово «лынуты» – лететь (о звуке). Есть слово «лунаты» – звучать.

Первое предположение состоит в том, что во времена «Слова о полку Игореве» слово «лыны» могло означать «летающие звуки» (или что-то наподобие этого). Второе предположение связано со словом «бяшетъ» (бяшето). Обычно это слово переводится как «было» или «есть». У автора этих строк имеются большие сомнения в том, что это именно так. Напрашивается вопрос – зачем в начале произведения нужно было использовать слово «быть» в такой странной форме? В «Слове о полку Игореве», по всему произведению во множестве разбросаны практически все известные формы слова «быть»: «луце жь бы потяту быти», «были вечи Трояни», «Аже бы ты был», «Была бы чага по ногате», «не бысть ту брата Брячеслава», «ни нама будет соколца», «чи ли въспети было» и так далее. Непонятно зачем нужно было вводить новую форму слова, которое в нормальном виде встречается в тексте буквально на каждом шагу? И возникает сомнение, что слово «бяшетъ» вообще когда-либо имело такой смысл.

А в тех местах, где в древнем тексте стоит именно слово «бязеть», по смыслу, оно совершенно четко и ясно заменяется глаголом «говорить». И текст при этом не разрушается. Например: «... бязеть притрепеталь своими сильными плъкы...» (...говорят, прибил своими сильными полками...), «...мало ли ти бязеть горе подь облакы веяти...» (...мало ли, тебе говорю, вверху, под облаками веять...). И так на каждом шагу, где встречается слово «бязеть».

Здесь, в начале «Слова», сочетание «лины бязеть» могло составлять некое древнее выражение, «издавать какие-то звуки или возгласы», соответствующие конкретному случаю. Как в наше время, стремясь выразить нелепость положения, мы говорим: «болтать в пустую», или «тарыхтеть посудой», или «сотрясать воздух», или вообще «старинной брэнчать». Вот и тогда могло быть соответствующее выражение. Можно было сказать: «Нелепо пустозвонить, братья...» или «Нелепо сотрясать нам воздух, братья...». Или просто: «Нелепо говорить нам, братья, начавши старыми словами ратных повестей...». Создается впечатление, что Автор «Слова» в самом начале своего произведения хотел поставить вопрос о недопустимости сочинять современное произведение «старыми словесы» потому, что современную песню нужно сочинять современным языком и по былинам сего времени (а не по выдумкам Бояновым).

А то, что слово «бязеть» вполне могло иметь значение «говорить», свидетельствует очень многое. Во-первых то, о чем уже только что говорилось: если во всех тех местах где стоит слово «бязеть» в переводе спокойно, по смыслу, можно поставить глагол «говорить» (в соответствующей форме) и текст от этого не становится хуже, то это наводит на мысль, что он поставлен здесь правильно. А во-вторых, приведем несколько других примеров.

В украинском языке есть слово «бештати» (бештаты) – ругать, бранить. А это «говорить» в бранной форме, правда, но тем не менее – это именно говорить, в смысле «извлекать звуки голосом». Слова «бязеть» и «бештаты» это несомненно две разных формы одного и того же слова. Есть общеславянские слова – «бекать» или «бьякать», которые опять-таки означают – «говорить» (в этакой насмешливой форме, но именно «говорить»). И опять-таки здесь «бьякать» и «бязеть» это две формы одного и того же слова.

В украинском языке есть слово «баяти» (баяты) – говорить, рассказывать. (Він бає, вона баїть, вони баяють.) Но это на литературном языке, а на простонародном – «воны бяхуть». И именно в такой форме это слово встречается в «Слове о полку Игореве»: «Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни...». Во всех переводах слово «бяхуть» было переведено, как – «были». Но сюда же вполне органично подходит и слово «бают» или «говорят» (особенно в украинской форме) – «Немігы криваві береги не бологом, баяють, посіяні...».

И наконец общеславянское слово «беседа» (бэсида, по-укр.) – разговор. Это может быть обычной фонетической трансформацией древнего «бязеть» (бязето – бешета – бэсида). И если все это так, то это лишний раз говорит, что слово «бязеть» нужно переводить глаголом «говорить», а не так, как это делают сейчас. И тогда, начало «Слова о полку Игореве» вполне может начинаться так: «Нелепо старинной брэнчать нам, братья, начавши старыми словами горьких повестей о полку Игореве...». А что? Вполне нормальное начало. (Пояснения А. Ф.)

Игорь Святославич. Сын черниговского князя Святослава Ольговича, внук Олега Святославича, князя тмутороканского и черниговского (названного в «Слов» Гориславичем). Родился в 1151 г. С 1179 года княжил в Новгороде-Северском, с 1198 года – в Чернигове. Умер в 1202г. Похоронен в Чернигове.

Боян. Поэт, певец, исполнитель песен и былин. Жил во второй половине XI – нач. XII вв. Точных дат не сохранилось, но временной интервал установлен достаточно правильно.

Помняшеть боречь. Помнит воин (первых времен усобицы). Боричи – это воины. До сих пор писалось «бо речь». Прямой перевод этого оборота – «помнит потому что говорит».

Но человек разумный «говорит» именно потому, что он мыслит (думает) или «помнит». А тут «помнит потому, что говорит». Выходит что, если бы не говорил, то и не помнил бы. В действительности, если написать не «бо речь», а «боречь» (воины), то получается очень корректный перевод: «Помнит воин первых времен усобицы». Как это созвучно современному: «Помнишь ветеран Великой Отечественной войны?»

А то, что боричи (воины) существовали, говорит хотя бы тот факт, что в Киеве по сей день существует «Боричев взвоз» – подъём, по которому ездили княжеские «боричи» (воины) с Подола на Княжью гору. (Пояснения А. Ф.)

Старый Ярослав. Ярослав Мудрый, сын Владимира (Первого, Святого), жил в 980 – 1054 гг. Прозвище «Мудрый» Ярослав Владимирович получил уже после смерти. При жизни этого князя, его так никто не называл. Был просто князь Ярослав. Под конец жизни (когда он стал старшим в роду), чтобы отличить его от других Ярославов, летописцы стали писать его с эпитетом «Старый». Так он и вошел в летописи. Превращение «Старого» в «Мудрого» произошло значительно позднее, уже в работах историков и писателей. (А.Ф.)

Храбрый Мстислав. Мстислав Владимирович (Храбрый), брат Ярослава Мудрого, князь черниговский и тмутороканский. В 1022 г. ходил на касогов. В поединке с касожским князем Редедю одержал победу. Умер в 1036 году.

Редедя. Князь касогов. Убит в поединке с князем Мстиславом. Касоги – народ Северного Кавказа, предки осетин.

Красный Роман. Роман Святославич (Красивый), внук Ярослава Мудрого, брат Олега Святославича (Гориславича). Убит половцами в 1079 г.

Владимир Старый. Владимир Святославич Первый (Святой), князь крестивший Киевскую Русь. Отец Ярослава Мудрого. Умер в 1015 г.

Половецкая земля (или Поле). Приазовские и Причерноморские степи, а также земли по Дону, Северскому Донцу и Днепру до порогов.

«...свивая славы обаполы сего времени...». В этом переводе «оба полы» пишется вместе «обаполы». В украинском да и в русском языке есть слово «обапола» – это боковая часть бревна после распиловки – горбыль. Раньше обаполами называли части расколотого бревна. Выражение «свивая славы оба полы», обычно, переводят так, будто Боян умножал современную славу, свивая её в единое целое. Он будто бы выполнял значительное и славное дело своего времени. И по сей день так считают.

Но на самом деле это выражение имеет совершенно иное значение и писать нужно «обаполы», а не «оба полы». В древние времена слава разделялась на переднюю и заднюю. Передняя слава – это древняя (или прошлая) слава, которая уже прошла проверку временем, и от нее уже отделилось все, что было лишним, ошибочным или просто льстивым. Передняя слава едина и монолитна. В ней нет обапол. И свивать здесь нечего. Задняя слава – это слава современная, от которой еще не отделилось все лишнее и наносное. Задняя слава не является единой и монолитной, она состоит (как распиленное вдоль бревно) из нескольких отдельных, разрозненных частей (славы обапол). Она является таковой по определению.

Эти обаполы нельзя просто так взять и соединить. Этого не может сделать ни один человек (ибо это фальсификация). Это может делать только время. Со временем, когда от задней славы отделится все лишнее, наносное и ошибочное, обаполы соединятся. Сами соединятся!

И слава становится единою и монолитною, то есть она превращается в переднюю (истинную) славу.

Но сделать это может только время и больше никто. Боян же брал на себя не совсем благовидную роль, искусно сочиняя песни-славы «под древние». Для этого он растекался мыслью по дереву, и летал соколом под облаками, и волком рыскал тропой Трояновой, подбирая примеры из древней истории. Он сравнивал современных князей с древними героями. Князьям это нравилось, но с истиной было не все ладно.

Все эти взлеты под облака, рысканье по земле тропую Трояновой, до сих пор преподносятся как признаки гениальности Бояна. В гениальности ему действительно трудно отказать, но Автор «Слова» решительно отказывается от всего этого. Начиная свою песню о Игоревом походе, он подчеркивает, что делать это будет по «былинам сего времени, а не по выдумкам Бояновым».

Таким образом, «свивание славы обаполы», которое до сих пор преподносится, как гениальные поэтические откровения Бояна, на самом деле есть не что иное, как подшучивание (если не сказать точнее – насмешка) Автора «Слова» над тем, как сочинялись песни великим певцом, и от чего он сам решительно отказывается. А насмешкою было именно: «...свивая славы обаполы сего времени!» Именно «сего времени». Потому, что для древнего человека было азбукой – свивать славы обаполы «сего времени» нельзя. Время должно пройти. Слава должна отстояться!

Ведь задняя слава правдивой не будет, сколько её не свивай, – ложь и лесть (если они там есть) останутся и убрать их оттуда сможет только время. Это очень тонкая, издевка Автора «Слова» над «издержками» творчества вещего Бояна. На современный лад все это звучит несколько грубовато, но сказано все это здесь лишь для того, чтобы пояснить, что речь в этом месте идёт не о восхвалении. А если и о восхвалении, то с тонкой и язвительной издёвкой. У Автора «Слова» всё это звучит намного мягче и интеллигентнее, но смысл остается такой же самый. (Пояснения А. Ф.)

«...рица въ тропу Трояню...». Существует несколько пояснений, кто такой Троян. Первое – древнеславянский бог. Второе – римский император Марк Ульпий Траян. Третье пояснение разными путями связывают с существованием древней Трои. Но это пояснение преподносится как-то стыдливо – вроде быть этого не может (а вдруг так оно и есть). Правда, есть и такие, кто твердо говорит про тропу Трояна, как про путь в Трояновы времена. Среди них В. И. Щербаков в книге «Века Трояновы», и в небольшой брошюре «Где жили герои эддических мифов?» Среди них и В. И. Стеллецкий в своих комментариях к «Слову о полку Игоревом». И много других исследователей, у кого такой же (или близкий) подход к этому вопросу.

Но всех их (тех, кто указан тут, и тех, кто не указан) объединяет одно. Все они абсолютизируют Древнюю Троию и считают, что именно из нее пошла Троянова земля. Разница между ними лишь в том, какими путями они приводят тех самых «троян» на Днепр? Через Кавказ, древнюю Фракию или еще каким-то иным путем.

В этой работе (А.Ф.) выдвинута идея существования в давние времена Великой Трояновой (Русской) земли, как самостоятельного исторического явления. Не отбрасывается и роль бога русов Трояна. Но вот что интересно, у славян были и более значительные и великие боги: Сварог, Дажьбог, Перун. Да вот только, ни Сварожьей, ни Дажьбожьей (хотя славяне были Дажьбожьими внуками), ни даже Перуновой земли не было. А вот Троянова была.

Дело в том, что Троян был богом русов еще с дославянских (древнеарийских) времен. Славяне вышли из общего корня русов. Они всегда помнили себя русами, но странное дело, прийдя на Днепр, они какое-то время предпочитали называться именно славянами, а не русами. Дело в том, что руссами в то время на Днепре именовались – германцы. В Цареградском договоре Олега русь (германцы) и славяне записаны как разные народы.

Великая Троянова земля в данной работе рассматривается как объективное и самостоятельное историческое явление. Древняя Троя – это всего лишь небольшая частица Великой Трояновой земли. С разрушением Трои история Трояновой земли не закончилась. Русская (Троянова) земля – это народ: руссы, трояне, тиррены, этрусски, арии. И все их родственные племена того времени и их потомки: рутулии (руты – русы), лютичи (русичи), реты (рисы – русы) и т. д.

Сюда же относится вся масса фракийских племён, большинством древнегреческих поэтов характеризуемая, как голубоглазый народ. Эта земля существовала и до Трои, и после Трои. Кстати сами трояне и были фракийцами. Древнегреческий поэт Алкей (VI век до н.э.), в стихе «Вина Елены» писал: «Елена Трою и фракийцев на гибель страстью отдала». То есть для Алкея в шестом веке до нашей эры было аксиомой, что троянцы и фракийцы – это один народ.

А во времена Трои трояне (руссы, тиррены, этрусски, реты, рутулии) жили практически на всем Средиземноморье, в Центральной и Восточной Европе, и даже за Каспием (ибо русии и германии, как составные племена хеттов-персов, указывались ещё Геродотом). Так что роль той Древней Трои в перенесении этого названия на Днепр практически нулевая, оно (это название) – всегда было здесь, оно всегда жило в этих землях.

Согласно Назона, фракийские племена заполняли собой всё современное пространство между Балтийским и Чёрным морями. Тракию (Фракию) мы знаем на месте современной Болгарии, а город Тракай по сей день находится в Литве. Так что Великая Троянова земля – это не государство, это именно «земля», на которой было множество государств образованных родственными племенами (каждое в свое время). Которые перемещались и размещались на этой земле.

Это было то самое «индоевропейское сообщество», которое с древнейших времен обитало на большом пространстве: от Атлантики и до Средней Азии (и даже до Алтая), от Скандинавии и до Средиземноморья. Славяне, когда пришли в Поднепровье, они не были основателями Русской земли. Она существовала здесь задолго до них, они лишь освоили её. Своей глубинной памятью они всегда помнили, что они руссы, но в определенных условиях они предпочитали называться славянами, (чтобы их не путали с руссами-германцами). И пришли они на Днепр как славяне, и какое-то время жили там, как славяне, да и, по всей видимости, чем-то отличались от тех руссов (руссов-германцев), что обитали там.

Потому, что в договоре князя Олега, о котором уже упоминалось, они зафиксированы, именно, как славяне. А русь-германцы зафиксированы отдельно. А такого названия как «Киевская Русь» вообще никогда не существовало. Его придумали историки в своих литературных трудах. Названия «Киевская Русь» нет ни в одном документе, ни в одной летописи потому, что его просто не было. Было государство Русская Земля со столицей в городе Киеве. Тропа Троянова – это путь не к древней Трое (хотя в отдельных случаях вполне мог быть и к ней, если хватало памяти). Скорее всего это был путь к самой себе, к своей истории, а следовательно и к одной из ближайших предшественниц того государства, которое мы теперь называем Киевской Русью.

Троянова тропа (в общем случае) могла идти и через Карпаты во Фракию, и в Предкавказье, и через Кавказ, и даже в Скандинавию, причем одновременно (если хватало памяти). Потому, что руссы-трояне обитали от Атлантики и до Алтая, и от Скандинавии до Северной Африки (правда, не одновременно и не в сплошную, они перемещались по ней в течение нескольких тысячелетий). И летать можно было везде, если хватало памяти. А если памяти не хватало, то и в Трое делать было нечего. Это большой и сложный вопрос и он вынесен в отдельную статью – «Троянова земля и Киевская Русь» (Пояснение А. Ф.).

«...*Бояне, Велесовь внуце...* Велес – бог скота и скотоводства, а также бог торговли. Считают, что он был еще покровителем поэтов и поэзии. Поэтому, Боян – Велесов внук.

«...*того внуку...*». Неясное место в тексте «Слова». Автор данного перевода считает, что слово «того» здесь идет от своеобразного прозвища Олега Святославича тмутороканского. Он кроме «Гориславича» имел еще одно прозвище – Гот. Олег Святославич имел титул кагана, а также архонта Зихии, Матрахов и Хазарии. На землях принадлежавших Олегу, кроме зихов, матрахов и хазар жили еще и готы-тетракситы, так что он был еще и каганом готов. А кроме этого Олег был готом по происхождению – от Рюрика. Не всех Рюриковичей звали Готами, но не все Рюриковичи были каганами готов. Это было, повидимому, дружеское (семейное) прозвище, которым пользовались только в близком кругу.

Есть одно свидетельство «Повести временных лет». Перед битвой на Нежатиной ниве, в 1078 году, Борис Вячеславич обращается к Олегу Святославичу так: «Ты, Готова, зри – аз им противен всим.» То есть он прямо называет Олега «готовою», то есть – Готом: «Посмотри, Гот, я против них всех». Но то, что было позволено близким родственникам, не позволено посторонним. И поэтому современники (когда была в том необходимость) пользовались древнейшим способом шифровки – обратным написанием (или прочтением): Гот – Тог. Прозвище Тог в родительном падеже будет – Тога, что в южно-русской (украиноязычной) среде могло преобразоваться на «того». По мнению А.Ф., Автор «Слова» мог быть полуславянином – полуготом (а правильнее всего, просто обрусевшим готом). Готы были союзниками половцев против Руси. При дворе Кончака вполне могли служить грамотные готы. Упоминание Игоря, как «внука гота» является как бы завуалированным намеком на землячество между Игорем и ним – Овлуром. Отдаленное, завуалированное, может и полусмешливое (дескать, оба мы готы). По предположению А.Ф., Автором «Слова о полку Игореве» является Овлур («чиновник» из ближайшего окружения Кончака).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.